

7844

~~7084~~

О

СВОБОДѢ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ.

РАЗБОРЪ

АНГЛИЙСКОЙ ТЕОРИИ

СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ,

соч. К. Гуро.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

1859.

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM
OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND ANATOMY
HARVARD UNIVERSITY
CAMBRIDGE, MASS.

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM
OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND ANATOMY
HARVARD UNIVERSITY
CAMBRIDGE, MASS.

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM
OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND ANATOMY
HARVARD UNIVERSITY
CAMBRIDGE, MASS.

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM
OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND ANATOMY
HARVARD UNIVERSITY
CAMBRIDGE, MASS.

7844

~~7084.~~

О

СВОБОДѢ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ.

РАЗБОРЪ

АНГЛІЙСКОЙ ТЕОРИИ

СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ,

соч. К. Гуро.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ БАХМЕТЕВА.

1859.

450

~~1807~~

2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 24-го Января 1859 года.

Ценсоръ *Гиляровъ-Платоновъ*.

67897

ВВЕДЕНІЕ.

Народы, раздѣливъ между собою весь міръ, не могли въ то же время раздѣлить его богатствъ. *Non omnis fert omnia tellus* (всякая земля всего не производитъ). Вездѣ избытокъ въ одномъ обыкновенно сопряженъ съ недостаткомъ въ другомъ: почва, на которой хорошо растеть виноградникъ, не содержитъ много металловъ; страна шелка не производитъ въ такомъ же изобиліи хлопка, а страна лѣсовъ не есть страна степей. Оттого какое бы ни было пространство земли, занятое извѣстною націею, никогда произведенія этого пространства не могутъ удовлетворить всѣмъ ея потребностямъ. Богатая сверхъ нуждъ своего народонаселенія одними произведеніями, земля эта или совершенно, или отчасти лишена другихъ. Оттого всякое общество людей побуждается входить въ сношенія съ другими: съ одной стороны, чтобы сбыть излишекъ произведеній, съ другой, чтобы заpastись недостающими. Такимъ образомъ съ самыхъ древнихъ временъ образовалась торговля между народами.

Всемирная образованность связана съ успѣхами международной торговли.

Понятно, что если бы каждый народъ, довольствуясь произведеніями своего климата, жилъ заключеннымъ въ своихъ границахъ, то избытки произведеній всѣхъ странъ и всѣхъ промышленности погибли бы безъ пользы, въ ущербъ всѣмъ,

IV

и изъ этого произошло бы всемірное обѣднѣніе. Размѣнивая, напротивъ того, избытки своихъ естественныхъ и искусственныхъ богатствъ, которыхъ они не могутъ потребить сами, народы взаимно увеличиваютъ свое благосостояніе. Какъ производители, они находятъ болѣе обширный сбытъ, какъ потребители, они получаютъ болѣе запасъ продуктовъ, и такимъ образомъ увеличиваютъ способы своего труда и продовольствія. Но это выгода только вещественная, торговля же сношенія различныхъ государствъ представляютъ также великое нравственное благо. Торговля сближаетъ народы, и сближая, просвѣщаетъ ихъ. Начиная размѣномъ своихъ богатствъ, они сравниваютъ потомъ различные способы работъ, размѣнъ болѣе полезный, чѣмъ размѣнъ произведеній, размѣнъ секретовъ и производительныхъ силъ; торговля дѣлается тогда не только питателемъ и двигателемъ міра, но и школою всего человѣчества. Благородное соревнованіе овладѣваетъ всѣми умами: науки, искусства, вызванныя отовсюду, дѣлаютъ новыя усилія, и новыя побѣды человѣчества надъ тайнами и препятствіями природы суть плоды ихъ. Нравы, въ свою очередь, испытываютъ дѣйствіе этихъ успѣховъ. Народы, заимствуя другъ у друга обычаи и размѣнивая свои идеи, научаются познавать другъ друга; предрасудки ихъ уменьшаются, взаимная неприязнь постепенно исчезаетъ, отношенія становятся болѣе дружескими, нравы очищаются, смягчаются, просвѣщеніе распространяется и благосостояніе увеличивается. Представьте же себѣ, что такая торговля вдругъ прервана или во все уничтожена, нравственная утрата человѣчества тогда еще болѣе, чѣмъ утрата вещественная; тогда не только лишится оно лучшаго орудія своего благосостоянія, но и самого дѣйствительнаго двигателя—всеобщаго просвѣщенія

Размышленія столь возвышенныя должны были, естественно, поразить пылкiе умы и внушить имъ мысль, что торговля народовъ должна быть неограниченно свободною. Если дѣйстви-тельно, по мѣрѣ того, какъ торговыя сношенія народовъ увеличиваются, улучшаются вещественныя и нравственныя усло-вія благосостоянія человѣчества; то изъ этого было совершенно логично вывести, что чѣмъ меньше эти сношенія встрѣчаютъ препятствій для развитія своего, тѣмъ болѣе распространяется просвѣщеніе, и что если бы неограниченная свобода торговли царствовала отъ одного полюса до другаго, то богатство и, что еще важнѣе, нравственное усовершенствованіе міра пошло бы исполинскими шагами. Изъ этого создалося понятіе о системѣ, столь извѣстной подъ именемъ *системы свободной междуна-родной торговли*.

Связь началъ этой системы также строга, какъ идея, изъ которой они родились, отвлеченна. Исходя изъ того заключенія, что торговыя сношенія народовъ суть лучшія орудія ихъ благо-состоянія и просвѣщенія, и что слѣдовательно препятствія вся-каго рода, стѣсняющія выполненіе или распространеніе этихъ сношеній, суть препятствія для счастья и нравственнаго со-вершенствованія человѣчества, поборники свободной торговли предлагаютъ совершенно уничтожить преграды, отдѣляющія различныя территоріи и мѣшающія свободнымъ сношеніямъ на-родовъ. Преграды эти, столь извѣстныя подъ именемъ *тамо-женъ*, говорятъ они, поддерживаются, по словамъ ихъ, пред-почтеніемъ эгоистическихъ и мнимыхъ интересовъ каждой на-ціи общему явному благосостоянію. Уничтоженіе ихъ — вотъ цѣль, къ которой должны стремиться всякій возвышенный умъ и всякое просвѣщенное правительство. Благоразуміе, безъ со-мнѣнія, требуетъ, чтобы это уничтоженіе совершилось посте-

пенно, но каждый день долженъ ознаменовываться новымъ въ этомъ отношеніи успѣхомъ, и остатка настоящаго вѣка достаточно, чтобы совершенно достигнуть этой цѣли. Наши внуки, если мы только сумѣемъ выполнить назначеніе нашего времени, обязаны будутъ намъ самымъ важнымъ и самымъ благотворнымъ переворотомъ въ исторіи. Міръ, нынѣ раздѣленный на двадцать соперничающихъ странъ, мастерскихъ и рынковъ, будетъ для нихъ обширною областію, богатство которой будетъ принадлежать всѣмъ; промышленность, какъ и образованіе, будетъ изъята изъ исключительной принадлежности той или другой націи; міръ составитъ наконецъ одну общую контору, въ которую всѣ страны свободно сойдутся со всѣми своими богатствами. Китай пришлетъ шелкъ и чай, Антильскіе острова—кофе и сахаръ, Индія пряности и ткани, Америка—хлопокъ, металлы и лѣсъ, Англія—каменный уголь и желѣзо, Франція—вина, и моды, Россія—хлѣбъ; всѣ народы—различныя произведенія земледѣлія, промышленности и искусствъ, и такимъ образомъ составитъ всемірная торговая республика, въ которой перевозъ и размѣнъ всѣхъ товаровъ будутъ совершенно свободны. Экономическія и финансовыя послѣдствія такого переворота неисчислимы: нельзя себѣ вообразить, до какой степени можетъ увеличиться легкость коммерческихъ оборотовъ, перемѣщеніе работниковъ и проч., но нравственныя послѣдствія будутъ еще чудеснѣе. Какъ міръ будетъ составлять только одно неразъединенное цѣлое, такъ и человѣчество образуетъ только одинъ союзъ или, правильнѣе, одну семью націй. Единство человѣческаго рода будетъ возстановлено. За вѣкомъ желѣзнымъ съ старыми понятіями, которыя, разсѣявъ людей по всей землѣ, въ теченіи столькихъ вѣковъ поставляли ихъ во враждебное между собою отношеніе, наступитъ вѣкъ золотой

съ новыми началами, который соединить всѣхъ вокругъ одного очага, какъ заблудшихъ дѣтей одной семьи. Въмѣсто того, чтобы проливать потоки чистѣйшей крови для завоеванія какого нибудь мѣстечка, они соединятся между собою узами братства и мира и, среди глубокаго согласія, съ единственною цѣлю всеобщаго блага, будутъ сообща трудиться надъ великимъ дѣломъ судебъ человѣчества.

Система эта, и сама по себѣ, и какъ любопытное явленіе въ исторіи человѣческихъ понятій, заслуживаетъ уже вниманія; но значеніе ея въ движеніи современныхъ идей очень важно въ другихъ отношеніяхъ. Она не только соблазнила нѣкоторыхъ посредственныхъ экономистовъ своею чудесною перспективою будущности, что нисколько неудивительно, потому-что посредственность всегда обольщается наружностью; но и нашла приверженцевъ даже въ небольшомъ числѣ умовъ, особенно отличающихся знаніемъ и просвѣщеніемъ. Эти избранные приверженцы внесли въ изложеніе и въ защиту своихъ убѣжденій блескъ и жаръ, всегда одушевляющіе и согрѣвающіе рѣчь людей талантливыхъ, проникнутыхъ убѣжденіемъ. Всѣ сочиненія и, что еще важнѣе, всѣ безъ исключенія каѳедры политической экономіи огласились изложеніями, объясненіями и преніями о свободной торговлѣ. Это сдѣлалось, въ нѣкоторомъ родѣ, ученіемъ государственнымъ, преподаваемымъ съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ прежде ученіе о четырехъ элементахъ въ средневѣковыхъ университетахъ, и убѣжденія его поборниковъ нынѣ такъ тверды, что нѣтъ возможности оспоривать его началъ, не поднавши подъ гнѣвъ цѣлой школы. Наконецъ одно великое событіе, внѣ этихъ успѣховъ чисто отвлеченныхъ, даровало системѣ свободной торговли нѣкотораго рода практическое освященіе, значительно увеличившее ея важность и

славу. Англія, повинувась необходимости, съ необыкновенною смѣлостью понизила свои тарифы, съ цѣлію, которую правительство ея съ неподражаемымъ искусствомъ старалось выдать предъ глазами всего свѣта за простое стремленіе духа человѣколюбія. Школа свободной торговли оперлась на этотъ примѣръ, и реформа таможеннаго законодательства Англіи сдѣлалась въ ея книгахъ практическимъ идеаломъ, который она предлагаетъ подражанію всѣхъ народовъ. Многіе, не увлеченные новою теоріею, были однако же удивлены дѣйствительно поразительнымъ приложеніемъ ея, на которое рѣшились такіе дѣловые люди, какъ Англичане; и система свободной торговли, пользуясь случайнымъ и минутнымъ колебаніемъ умовъ, приобрѣла еще болѣе довѣрія. Но заслуживаетъ ли она этого довѣрія?....

Мы живемъ въ томъ вѣкѣ, когда возрожденіе человѣчества возбудило тысячи химерическихъ проектовъ, и потому сочинители новыхъ проектовъ не только не должны удивляться, что люди правдивые и здравомыслящіе прежде принятія проекта разбираютъ его, но напротивъ, должны желать, чтобы разборъ этотъ былъ, сколь возможно, обширнѣе и подробнѣе: если система хороша, ей нечего бояться свѣта. Система свободной торговли уже по тому шуму, который она произвела въ свѣтѣ, достойна быть предметомъ изученія серьезнаго и глубокомысленнаго; на такое изученіе имѣетъ право всякая система, достигшая справедливо или не справедливо, съ извѣстною популярностью, одобренія нѣкоторыхъ возвышенныхъ умовъ.

Предлагаемое сочиненіе порождено этою мыслию.

Предметъ его обширенъ самъ по себѣ. Не малый представляется трудъ обсудить новую систему, предлагающую новый порядокъ вещей. Надобно прослѣдить ее во всемъ ея ходѣ,

разобрать причины и послѣдствія всѣхъ ея нововведеній, сравнить положеніе дѣлъ, которое она хочетъ уничтожить, съ тѣмъ, которое, по мнѣнію ея, произойдетъ, взвѣсить интересы, приносимые ею въ жертву, оцѣнить гадательныя выгоды, обѣщаемыя ею, наконецъ, не забыть, по возможности, ни одного изъ ея достоинствъ и неудобствъ. Уму, естественно, долженъ былъ представиться слѣдующій планъ изысканій: система свободной торговли является въ одно время и какъ ученіе философское, стремящееся овладѣть всѣми умами, и какъ система практическая, требующая водворенія своего въ области фактовъ; кажется, что оцѣнка ея выиграетъ въ порядкѣ и въ ясности, если будутъ разсмотрѣны отдѣльно и значеніе ея, какъ ученія, и результаты, къ которымъ она привела бы въ приложеніи, — какъ ученіе, система свободной торговли предполагаетъ, что открыла начала способныя довести международную торговлю до высшей степени свободы, какъ плодъ этой неограниченной свободы; она предлагаетъ человѣчеству эру благосостоянія и нравственнаго совершенства, которымъ не было ничего подобнаго въ исторіи; наконецъ міръ, если только онъ будетъ сообразоваться съ правилами, выводимыми ею, долженъ сдѣлаться на столько свободнымъ, счастливымъ и просвѣщеннымъ, на сколько то позволяетъ планъ его назначенія. До какой степени прочны основанія этого блестящаго зданія — вотъ что разсматривается въ первой части. Но система свободной торговли не есть, въ глазахъ ея приверженцевъ, только идеаль для экономиста-философа; она есть также и идеаль, къ осуществленію котораго долженъ стремиться всякій государственный человѣкъ, достойный этого имени. Англія открыла дорогу: всѣ остальные націи, говорятъ поборники системы свободной торговли, должны устремиться за нею на этотъ путь, если не хо-

Х

тятъ отказаться отъ очевиднѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ выгодъ благосостоянія и величія. Каковы были бы послѣдствія подобнаго переворота, если принять за исходную точку современное экономическое состояніе міра—вотъ предметъ изысканій второй части. Наконецъ разсмотрѣнная отдѣльно съ точки зрѣнія теоретической и съ точки зрѣнія практической, система свободной торговли показываетъ начала и приходитъ къ послѣдствіямъ, которыя интересны для политической экономіи: и какъ для науки, и какъ для практическаго руководства. Нѣкоторыя взгляды на этотъ двойной предметъ помѣщены въ заключеніи. Какъ естественное послѣдствіе предшествовавшихъ розысканій, заключеніе это будетъ служить имъ краткимъ обзоромъ. Тогда читатель можетъ произнести свой приговоръ надъ системою свободной торговли и надъ этимъ сочиненіемъ. Пусть только не увлекается онъ утопіями и пристрастіемъ, но составитъ свое сужденіе, имѣя въ виду одну истину и благо государства.

ГЛАВА I.

Общій характеръ системы свободной торговли.

Аристотель, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, описывая вѣчные законы, управляющіе образованіемъ, усиѣхами, переворотами и паденіемъ царствъ, и, сравнивая ихъ съ предшествовавшими ему фантастическими изображеніями этихъ законовъ, говорилъ: «наука не создаетъ человѣка; она беретъ его та-кимъ, какимъ дала природа.» Вотъ слова гения, столь же глубокомысленныя, какъ и простыя, надъ которыми не мѣшало бы подумать современнымъ мыслителямъ. Въ самомъ дѣлѣ, непостижимое помѣшательство овладѣло всѣми умами: вездѣ хлопчуть о преобразованіи человѣческаго рода.—Смотрѣть на міръ такъ, какъ онъ есть, какъ созданъ Богомъ и выработанъ поколѣніями и вѣками, помилуйте! какой же человѣкъ, одаренный соображеніемъ, способенъ снизойти до этого въ наше время? Какой же сочинитель можетъ быть до такой степени лишенъ изобрѣтательности, чтобы не предписывать міру законовъ, нисколько не давая себѣ труда—изучать ихъ наблюденіемъ? Аристотели и Ньютоны, Монтескье и Кювье старались изучать природу путемъ опыта, а нынѣ самый скромный строитель системъ просто придумаетъ вамъ законы для природы, и какое же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что онъ не придумаетъ ихъ даже лучше? Отсюда-то породились безчисленные легіоны новыхъ ученій соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ, которыми оглушенъ нашъ вѣкъ, уче-

ній, не основанихъ на здоровомъ пониманіи исторіи и потребностей дѣйствительной жизни.

Нельзя не согласиться, что система свободной торговли имѣетъ нѣкоторое наружное сходство съ этими безумными ученіями. Очевидно, что поборники системы свободной торговли также пытаются дать міру новую форму, которую, по ихъ мнѣнію, онъ долженъ бы всегда имѣть для собственного благополучія.

Самаго поверхностнаго сравненія существующаго порядка въ коммерціи съ тѣмъ, который они предлагаютъ, достаточно, чтобы убѣдиться въ обширности подобной реформы.

Земной шаръ, по ихъ убѣжденію, долженъ былъ бы составлять одно государство, человѣчество—одинъ народъ, всѣ образованныя страны одну мастерскую и одинъ рынокъ. Они рисуютъ какъ бы нѣкую карту свѣта, на которой уничтожаютъ всѣ различія между націями и правительствами: на всемъ прѣстранствѣ земли, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи торговли, не существуетъ у нихъ ни Америки, ни Франціи, ни Англии, ни Россіи, ни Турціи, ни Германіи, ни Испаніи, ни Италіи, а только граждане одной нераздѣльной республики, которые, ни мало не развлекаясь національными интересами, заботятся только о сокращеніи разстояній, отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга, объ увеличеніи, облегченіи и удешевленіи сообщеній, о разширеніи взаимныхъ сношеній и объ отстраненіи матеріальныхъ и нравственныхъ препятствій, воздвигаемыхъ между ними политикою. Такимъ ли представляется намъ міръ дѣйствительный? Похожъ ли онъ на одинъ рынокъ, гдѣ въ совершенной независимости отъ всякой національности происходило бы обращеніе цѣнностей также удобно и легко, какъ въ какой-либо одной провинціи? Нѣтъ: міръ представляетъ намъ десятки соперничающихъ народовъ, имѣющихъ эгоистическіе интересы, которые проистекаютъ отъ стремленія къ сохраненію своей національности, отъ того, что называютъ патріотизмомъ. Эти интересы зависятъ отъ физическаго и политическаго очертанія страны, отъ климата, качества почвы,

величины ея, отъ духа народности, миролюбиваго или воинственнаго, патріархальнаго или цивилизованнаго; отъ образа жизни народа, смотря потому живетъ ли онъ на островѣ или континентѣ, звѣроловъ ли онъ или ведетъ жизнь пастушескую, земледѣлецъ, фабрикантъ или торговецъ. — Религія, племя, нравы, народонаселеніе, преданія, политическое и общественное устройство, законы и обычаи—все это имѣетъ вліяніе на различіе національныхъ интересовъ. Борьба рынковъ, соревнованіе народовъ, согласіе или несогласіе ихъ интересовъ, смотря по обстоятельствамъ, мѣсту и времени,—вотъ изъ чего состоитъ и чѣмъ живетъ торговый міръ дѣйствительный. Поставьте его рядомъ съ торговымъ міромъ, воображаемымъ поборниками свободной торговли, и сравните!

Пусть такъ! скажетъ питомецъ этой школы; но нѣтъ ничего удивительнаго, что начала нынѣшней торговой системы совершенно отличаются отъ тѣхъ, которыя мы предлагаемъ; было бы удивительно, если бы они были сходны; наша система осуществляетъ идеаль наивозможно лучшей организаціи торговли; существующая же нынѣ олицетворяетъ наихудшее положеніе, въ которое только можетъ впасть торговля.

Прекрасно! отвѣтимъ мы въ свою очередь; но единственный пунктъ, который мы хотѣли теперь доказать, подтверждается этимъ еще лучше, т. е., что система свободной торговли въ подражаніе всѣмъ мечтательнымъ ученіямъ нашего времени, въ подражаніе даже самымъ буйнымъ и безсмысленнымъ изъ нихъ, по примѣру социализма, системы организаціи труда, уравненія платы рабочимъ и прогрессивнаго налога, всѣхъ этихъ безсмысленныхъ и разорительныхъ грезъ, которыя во всѣ времена пугали здравый смыслъ, и недавно еще приводили въ ужасъ всѣхъ, что система свободной торговли рѣшительно нисколько не обращаетъ вниманія на то торговое положеніе міра, которое съ теченіемъ времени и обстоятельствомъ установлено человекомъ.

А пренебрегать до такой степени въ чемъ бы то ни было природой и исторіей, значитъ показывать отсутствіе разума.

Мы ищемъ идеала, говорятъ они; похвальное стараніе! — Но идеаль устройства міра, въ какомъ бы то ни было отноше- ній, а слѣдовательно и въ торговомъ, не есть тайна, которая могла бы раскрыться въ одинъ прекрасный день въ головѣ че- ловѣка. Все созданное Богомъ прекрасно и вѣрно; порядокъ, данный Имъ міру, совершеннѣе того, который бы мы захотѣли дать ему. И такъ изысканіе идеальнаго устройства міра долж- но ограничиться изслѣдованіемъ высшихъ законовъ его дѣй- ствительнаго устройства. Философія есть ученіе о промыслѣ Провидѣнія; и этотъ Промыслъ, эта высшая воля открывається въ явленіяхъ; въ нихъ-то должно искать Его, а не предаваться отважнымъ фантазіямъ. Какъ! Вы философъ, нисколько не стѣсняясь, предпочитаете пустыя мечты вашего ума начерта- ніямъ высшей премудрости, которая есть конечная цѣль вся- кой философіи! Богъ раздѣлилъ родъ человѣческой на племена. Онъ вложилъ въ сердце каждаго священное чувство — любовь къ отчизнѣ, одну изъ наиболѣе видимыхъ пружинъ къ совер- шенствованію; а вы однимъ почеркомъ пера уничтожаете всѣ различія народовъ, вы торжественно объявляете, что не будетъ болѣе патриотизма въ мірѣ, что всѣ люди будутъ только граж- дане вселенной! По ихъ мнѣнію, это лучше. Но откуда берутъ они дерзость такъ думать, когда природа въ своихъ явленіяхъ показываетъ, что Провидѣніе опредѣлило иначе.

Въ наше время всѣ проповѣдующіе преобразованія религіоз- ные, соціальныя и политическія, утверждаютъ также, что ищутъ идеала. Они тоже, подъ предлогомъ идеала, своевольно уничто- жаютъ ту или другую изъ человѣческихъ страстей, то или дру- гое препятствіе природы физической; они точно также взяли карту міра и сердце человѣка и стерли не одно большое учреж- деніе, стѣснявшее ихъ, не одно возвышенное чувство, мѣ- шавшее имъ. До чего же добились они? Что же создали эти глубокомысленные преобразователи вселенной? Бредни, возму- щающія здравый смыслъ. Не ужели таже участь ожидаетъ и систему свободной торговли? не извѣстно; однако къ прискор- бію должно замѣтить, что путь, избранный приверженцами

этой системы, тотъ же: они не берутъ міръ, какъ онъ есть, и стало быть лишь по особому исключенію можетъ случиться, что слѣдуя одной и той же дорогѣ, они не придутъ къ тому же, къ чему пришли всѣ ложныя современныя ученія.

Поборники свободной торговли не болѣе обращаютъ вниманія и на исторію, — и эту вторую черту сходства между ихъ теоріею и самыми обезславленными современными ученіями также важно замѣтить, какъ и первую.

Никогда еще исторія не была изучаема болѣе, чѣмъ въ наше время, и однако странное дѣло! уроки ея никогда не были понимаемы такъ худо. Это есть слѣдствіе нашего тщеславія и той погубной страсти къ химерамъ, которая сводитъ насъ съ пути. Намъ кажется, что все появилось на свѣтъ вмѣстѣ съ нами, что все сдѣланное до насъ годно лишь для засвидѣтельствованія глубокаго невѣжества нашихъ отцовъ; у насъ какая-то лихорадочная страсть къ возобновленіямъ, и жалкимъ кажется все, установленное и освященное предшествовавшими вѣками; нѣтъ ни одного древняго учрежденія, которое было бы пригодно нашему назначенію; вѣковыя основы жизни челоуѣчества какъ будто уже пережили свое время и требуютъ отъ насъ перемѣнъ. Религія, правительства, финансы, словомъ, нѣтъ ничего, чтобы не было затронуто вслѣдствіе этого презрѣнія къ знаніямъ нашихъ предковъ и этой вѣры въ нашъ геній. —

Не то ли же направленіе и у поборниковъ системы свободной торговли? Они хотятъ уничтоженія таможенъ. Раскройте исторію и вы увидите, что не было ни одного великаго администратора, ни одного великаго политика, который бы не видѣлъ въ учрежденіи или сохраненіи таможенъ орудія народнаго благосостоянія и величія; вы увидите еще болѣе, а именно, что всякой народъ, занимавшій почетное мѣсто въ всемірной торговлѣ, достигъ до своего положенія, упрочилъ и сохранилъ его не иначе, какъ оградивъ себя таможенями. Нужно ли припоминать имена и событія? Кто не знаетъ, что колоссальному богатству Англии положено начало первыми привилегіями, данными Эдуардомъ III суконнымъ фабрикантамъ королевства, и

что морскимъ преобладаніемъ, до котораго достигла эта нація, она обязана знаменитому акту мореплаванія 1650 года? Кому не извѣстно, что, по смерти Мазарини, промышленность, торговля и флотъ Франціи не имѣли никакого значенія въ мірѣ, и что Кольбертъ, только съ помощію одной таможенной системы, далъ государству купеческій, военный флотъ, рыбныя ловли, колоніи и мануфактуры, — всѣ эти вещественныя богатства, сдѣлавшіяся источникомъ политическаго могущества? Но скоро система этого великаго человѣка была покинута. Отмѣна Нантскаго эдикта нанесла роковой ударъ французской промышленности; она переселилась въ Германію. — Великій Курфирстъ и Фридрихъ II, чтобы утвердить ее въ своемъ государствѣ, покровительствовали ей таможами; отсюда начало промышленнаго могущества и политическаго преусиѣнія Пруссіи. Вспыхиваетъ революція, является Наполеонъ. Онъ находитъ промышленность, какъ и все въ тогдашней Франціи, въ разрушеніи: постыдный и безразсудный трактатъ 1786 года, выдавъ французскіе фабрики Англичанамъ, уничтожилъ и послѣдніе ея обломки. Первый консулъ возобновляетъ таможни; въ послѣдствіи континентальною системою политика императора доводитъ покровительство внутренней промышленности до крайней степени. Французская промышленность, едва возстановленная, дѣлаетъ удивительныя успѣхи, и вся Европа, подъ этою защитою, покрывается мануфактурами и удесетеряетъ свое богатство. Посмотрите наконецъ на Россію и Америку, онѣ представляютъ тоже самое. Россія была странною полудикою и бѣдною: Петръ Великій и Екатерина II насаждаютъ въ ней иностранныя отрасли промышленности и упрочиваютъ ихъ при посредствѣ привилегій; съ того времени начинается благосостояніе этой обширной державы. Соединенные Штаты, едва отложившись отъ метроноліи, воздвигаютъ мануфактуры, не прибѣгая сначала къ покровительству таможенъ; Англія душитъ эти заведенія въ самой колыбели; Вашингтонъ видитъ зло и средствомъ противъ него признаетъ таможни; вслѣдъ за симъ американская промышленность начинаетъ развиваться.

Вотъ какова исторія таможеннаго покровительства, а между тѣмъ, не удостоивъ даже заглянуть въ эту исторію, не подумавъ даже о всей важности отмѣны учрежденія, освященнаго гениемъ и опытомъ, поборники системы свободной торговли предлагаютъ совершенное уничтоженіе таможенъ, какъ бы мѣру самую естественную. — Не тотъ же ли характеръ и образъ дѣйствій видимъ и у самыхъ вздорныхъ преобразователей нашего времени, и это новое сходство тѣхъ и другихъ въ пребреженіи уроками прошедшаго тревожитъ умъ и невольно заставляетъ призадуматься.

Говорятъ: но при такомъ взглядѣ нѣтъ ни одного учрежденія въ мірѣ, которое не было бы достойно уваженія потому только, что долго существовало, не смотря на весь вредъ его; это отличное средство увѣковѣчивать злоупотребленія и замѣдлять успѣхи просвѣщенія. Нѣтъ человѣческаго учрежденія, которое было бы вѣчно и всегда пользовалось бы преимуществомъ современности потому только, что нѣкогда соотвѣтствовало условіямъ времени и мѣста.

Первое изъ этихъ возраженій по крайней мѣрѣ очень слабо. Безъ сомнѣнія, долговременное существованіе какого-нибудь учрежденія не даетъ ему права на всегдашнее сохраненіе его. Когда какое-либо учрежденіе оскорбляетъ или угнетаетъ чело- вѣчество, то обязанность философа не преклоняться предъ нимъ вмѣстѣ съ толпою, а противопоставить такому учрежденію требованіе просвѣщенія. Такъ на примѣръ, когда Монтескьё, этотъ великій наблюдатель фактовъ, встрѣчаетъ гнусное учрежденіе инквизиціи, то оно въ глазахъ его нисколько не можетъ быть оправдано своимъ долговременнымъ существованіемъ. Кто не читалъ его рѣчи, этого образцоваго произведенія ума, чувства и ироніи, въ защиту свободы вѣроисповѣданія? Вотъ образецъ публициста-философа, который осуждаетъ фактъ только въ томъ случаѣ, когда онъ нарушаетъ права, но осуждаетъ тогда со всею силою во имя науки и природы, какъ ложь и какъ чудовищное зло. Никто однако же не скажетъ, чтобы это было приложимо къ данному случаю, потому что таможенное

покровительство, безъ сомнѣнія не оскорбляетъ ни нравственности, ни правъ человѣчества. Напротивъ, кажется, что народы имѣютъ полное право стараться объ увеличеніи своего богатства, могущества и благосостоянія, и предпринимать съ этою цѣлью всякія мѣры фискальныя, административныя или политическія, одобренныя опытомъ. Монтескье, этотъ великій судья правъ человѣчества, никогда не думалъ, чтобы учрежденіе таможенъ стѣсняло эти права; напротивъ, его проницательный умъ видѣлъ въ нихъ выгоду, и его мнѣніе о таможахъ то же самое, какое имѣлъ прежде Кольбертъ, и которое, со времени Фридриха Великаго и Наполеона, было всегда господствующимъ.

Что же касается до права измѣнять и уничтожать учрежденія, которыя съ теченіемъ времени становятся бесполезными или вредными, то оно вообще неоспоримо, и на самомъ дѣлѣ есть много примѣровъ, что общественныя постановленія, прекрасныя во время ихъ появленія, были впослѣдствіи измѣнены или уничтожены съ такою же пользою, съ какою были прежде введены. Но эти измѣненія и уничтоженія, особенно когда дѣло идетъ о цѣлой системѣ законовъ, утвержденныхъ долговременнымъ опытомъ, не должны быть предпринимаемы безъ важныхъ причинъ. Главное же основаніе, приводимое поборниками системы свободной торговли для необходимости уничтоженія таможенъ, нисколько не походитъ ни на одну изъ тѣхъ причинъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія и уничтожаютъ всякое противорѣчіе.

Это главное основаніе при разсматриваніи системы свободной торговли съ одной, такъ сказать, внѣшней стороны, можно выразить слѣдующими словами: «До тѣхъ поръ, пока свобода не предоставлена естественному своему развитію, пока какое-либо препятствіе ограничиваетъ ея развитіе, всякій переворотъ или измѣненіе, имѣющее цѣлью устранить это препятствіе, есть благодѣяніе для человѣчества.» И вотъ третья послѣдняя черта поистинѣ роковаго сходства системы свободной торговли со всѣми пагубными ученіями нашего времени; въ самомъ

дѣлѣ эти ученія основаны на тѣхъ же началахъ: они тоже стремятся къ неограниченной свободѣ, и въ этомъ стремленіи ни одно изъ нихъ не спаслось отъ постыднаго крушенія въ анархіи.

Посмотримъ вокругъ себя, прислушаемся къ шуму революцій нашего времени. Вездѣ только и толку, что о павшей свободѣ. Какая причина этихъ плачевныхъ бѣдствій? Она одна: свобода исчезла только потому, что не хотѣла признать никакого обузданія своему владычеству, никакихъ предѣловъ для своего развитія. Она тоже приняла ихъ за препятствія, которыя должна была уничтожить: она сокрушила ихъ и въ то же время сама себя низвергла. Обратите вниманіе на религію: вдругъ стало недостаточно организованной свободы совѣсти и вѣроисповѣданій. Явились мыслители съ знаменемъ безграничной свободы, и свобода вѣроисповѣданій низверглась въ бездну сомнѣній и безвѣрія. Порядокъ частной жизни, увлеченный тѣмъ же бѣшенствомъ, пришелъ къ такимъ же послѣдствіямъ. Была гражданская свобода; всѣ граждане были равны передъ закономъ. Явились софисты: это равенство ограниченное, говорили они; намъ надо равенство полное, безграничное. И тогда-то потоки неслыханныхъ безумствъ наводнили общество. Естественное неравенство въ способностяхъ и достоинствахъ было отвергнуто; сомнѣвались въ допущеніи правъ собственности, и просвѣщеніе, подкопанное завистью, едва не утонуло въ грязи и крови. Система государственнаго устройства также потерпѣла отъ этой прекрасной теоріи неограниченной свободы. Существовала олигархія, при которой политическія права, доступныя по началамъ для всѣхъ гражданъ, были на дѣлѣ достояніемъ меньшинства: эта система, какъ и всякая другая, имѣла свои недостатки. Но имѣла и достоинство: преніе о дѣлахъ общественныхъ было свободное. Явились проповѣдники неограниченнаго права — все дѣлать и все говорить, и олигархія, которую они преслѣдовали такъ настойчиво, пала; мѣсто ея заняла демократія, при которой новая система раскинулась на просторѣ: неограниченная свобода

книгопечатанія, избирательства и права подачи голосовъ—все это въ теченіе четырехъ лѣтъ волновалось въ вихрѣ самой жалкой анархіи, которая, какъ всѣ анархіи, кончилась диктатурой. Вотъ плоды неограниченной свободы въ областяхъ религіозной, гражданской и политической.

Предупрежденные подобными печальными явленіями поборники системы свободной торговли, кажется, должны были бы долго колебаться въ приложеніи къ торговлѣ столь несчастнаго ученія. Но они пренебрегли этими явленіями. Они провозглашаютъ неограниченную свободу сообщеній и размѣна! По ихъ мнѣнію, *всякое* ограниченіе торговли между народами есть препятствіе просвѣщенію; *всякая* преграда ихъ сообщеній—бѣдствіе для человѣчества; *всякое* обузданіе ихъ торговыхъ сношеній—цѣпь рабства; и политическая экономія разглашаетъ тѣже проповѣди, которыя нѣкогда взволновали и ниспровергли и религію, и общество, и государство.

Для насъ, простыхъ наблюдателей, ^{не}обуреваемыхъ и не поддерживаемыхъ духомъ системы и сохраняющихъ полное спокойствіе и хладнокровіе, не должно ли казаться удивительнымъ и опаснымъ это странное тождество общаго характера системы свободной торговли съ характеромъ самыхъ пагубныхъ теорій нашего времени? Презрѣніе къ изученію природы, пренебреженіе къ авторитету генія и опыта, стремленіе къ безграничной свободѣ, которая всегда и вездѣ была гибельна для истинной свободы; словомъ, во всемъ поборники системы свободной торговли походятъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, на самыхъ отчаянныхъ революціонеровъ нашего времени. Посмотримъ теперь, искупаютъ ли эту невыгодную внѣшнюю сторону самая сущность системы свободной торговли?

ГЛАВА II.

Назначеніе таможенъ.

Наибольшее развитіе свободы международной торговли—вотъ цѣль разсматриваемой системы; уничтоженіе таможенъ, какъ препятствія этой свободѣ—вотъ путь, которымъ она идетъ къ цѣли. Согласуется ли избранное средство съ цѣлью? Въ этомъ вопросѣ заключается вся завязка системы; ибо очевидно, что если таможни, какъ говорятъ фритредеры, дѣйствительно стѣсняють свободу торговли, то все остальное въ ихъ системѣ вытекаетъ, какъ естественное послѣдствіе сего начала.

Чтобы повѣрить основательность главныхъ принциповъ ученія о свободной торговлѣ, необходимо уяснить какъ условія существованія свободы торговли, такъ и смыслъ таможеннаго учрежденія; только при полномъ сознаніи того и другаго, можно рѣшить вопросъ: о противорѣчій или совмѣстности между ними. Поборники свободной торговли находятъ тутъ противорѣчіе, и это ихъ исходная точка, краеугольный камень ихъ ученія; но никто не обязанъ вѣрить этому на слово. Таможни существуютъ нынѣ повсемѣстно, во всемъ образованномъ мірѣ, и вѣроятно не безъ причины, изслѣдованіемъ которой можетъ пренебрегать одна лишь слѣпая самоувѣренность. Обозначивъ въ предыдущей главѣ общій характеръ системы свободной торговли, мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію главныхъ ея началъ.

Свобода торговли, на какомъ бы то ни было рынкѣ, зависитъ отъ одного условія, а именно отъ конкуренціи. Соперничество, или борьба, происходящая отъ совмѣстнаго присутствія на одномъ и томъ же рынкѣ нѣсколькихъ продавцовъ однихъ и тѣхъ же издѣлій—вотъ душа свободы торговли. Нѣтъ

полной свободы въ тѣхъ сношеніяхъ, гдѣ продажа и купля не равно свободны; безъ конкуренціи не свободна ни продажа, потому что не всякій имѣеть право участвовать въ ней, ни купля, потому что покупатель не можетъ тогда имѣть выбора между разнообразными товарами и разнообразными предложеніями ихъ продавцовъ. Общее право продажи и совмѣстничества при этомъ, или, однимъ словомъ, конкуренція есть разумная и общепринятая теорія законовъ свободы торговли.

Во внутренней торговлѣ государства справедливость этой теоріи никогда не была подвержена сомнѣнію, потому что на каждомъ шагу она подтверждается фактами. На самомъ скромномъ деревенскомъ рынкѣ и на самой богатой городской биржѣ стѣсненіе и свобода торговли приписываются отсутствію или присутствію конкуренціи. Если бываетъ много соперничающихъ продавцовъ однихъ и тѣхъ же издѣлій, то тогда торговля свободна, или по крайней мѣрѣ можетъ быть свободна; если же продавецъ какихъ-либо издѣлій есть единственный въ извѣстномъ мѣстѣ, то тутъ торговля совершенно или отчасти стѣснена, или можетъ быть таковою. Опытъ постоянно въ этомъ отношеніи подтверждаетъ то же, что говоритъ и разумъ.

Отличается ли въ этомъ внѣшняя торговля отъ внутренней? Тѣ же ли разумныя начала существуютъ для свободы международныхъ торговыхъ сношеній? Немного нужно размышлять, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. На общихъ міровыхъ рынкахъ націи представляютъ то же, что отдѣльныя лица на внутреннихъ рынкахъ. Владѣніе и пользованіе всею почвою земнаго шара и торговля ея произведеніями раздѣлены между народами точно также, какъ владѣніе и торговля въ извѣстной сторонѣ между частными людьми. Разница только въ значительности владѣній и торговыхъ размѣновъ, но сущность отношеній одна и та же, а потому законы, лежащіе въ основаніи тѣхъ и другихъ, не могутъ быть различны. Вообразите себѣ, что на этомъ общемъ рынкѣ, куда стекаются всѣ народы для размѣна избытка своихъ произведеній, одинъ народъ овладѣлъ бы продажею извѣстныхъ произведеній, въ ко-

торыхъ нуждаются всѣ прочіе, отъ того ли, что этотъ привилегированный народъ добываетъ эти произведенія у себя, или отъ того, что онъ захватилъ въ свои руки собираніе и доставку ихъ: что произойдетъ тогда?

Народы, повидимому, имѣютъ тѣ же страсти, какъ и отдѣльныя лица; единственная разница, какъ говоритъ Платонъ, въ томъ, что въ народахъ эти страсти являются въ большихъ размѣрахъ, а потому когда народъ предается торговлѣ, то главный при этомъ импульсъ заключается, какъ и у частнаго лица, въ желаніи получить отъ нея выгоду. Что сдѣлаетъ движимый этою страстію, тотъ народъ, который мы вообразимъ себѣ на всемірномъ рынкѣ единственнымъ продовцомъ извѣстныхъ произведеній? Безъ сомнѣнія, онъ назначитъ имѣцѣну, какую заблагоразсудитъ, и всѣ другіе народы должны будутъ, какъ рабы, ему подчиняться. Если эти произведенія суть главнѣйшіе продукты земледѣлія и промышленности, то торговое порабощеніе міра неизбежно. Но пусть явится соперничество, пусть каждый народъ найдетъ возможность пріобрѣтать нужные товары у продавцовъ-соперниковъ: и международная торговля свободна; свободна въ продажѣ, потому что многіе могутъ участвовать въ ней, свободна въ куплѣ, потому что никто не зависитъ отъ произвола одного продавца.

Подобное размышленіе представляется намъ само собою; но, чтобы еще лучше убѣдиться въ справедливости его, обратимся къ исторіи—этому неподкупному свидѣтелю, котораго никакія умствованія и системы не совращали съ пути истины и справедливости.

Исторія сохранила воспоминанія о торговой жизни всего міра; она слѣдила за нею вездѣ, гдѣ только ни развивалась торговля, съ самой глубокой древности до нашихъ временъ. Спросите, по какимъ признакамъ можно было узнать ея угнетеніе, или свободу, и она отвѣтитъ вамъ точно то же, что и здравый смыслъ: по присутствію или отсутствію конкуренціи.

Памятникомъ постоянства такого мнѣнія осталось слово, выражающее начало, противоположное соперничеству, начало

торговаго порабощенія—это *монополія*. Уже болѣе 2,000 лѣтъ, какъ это слово создано Греками; съ того времени, какъ ихъ Архипелагъ сталъ театромъ просвѣщенія, слово монополія на самомъ употребительномъ тогда языкѣ означало признакъ торговли порабощенной. Римляне сохранили это названіе, оно перешло по томъ во всѣ новѣйшіе языки, и нынѣ на самыхъ отдаленныхъ точкахъ міра напоминаетъ народамъ, что нѣтъ свободы торговли между государствами, какъ и между частными людьми, тамъ, гдѣ одинъ продавецъ безъ соперниковъ завладѣваетъ рынкомъ. Но лѣтописи народовъ представляютъ тому свидѣтельства еще яснѣе, чѣмъ ихъ языкъ. Не восходя ко временамъ Тира и Коринѳа, обратите вашъ взглядъ на исторію торговли отъ возрожденія просвѣщенія въ Европѣ до нашихъ временъ; эта исторія гласитъ: пока господствуетъ монополія въ пользу одного народа, торговля всѣхъ другихъ пребываетъ въ бездѣйствіи и угнетеніи, и едва только устанавливается соперничество между націями, какъ торговый міръ является освобожденнымъ. Всякій въ состояніи припомнить множество тому примѣровъ. Съ VIII вѣка до послѣдней половины XVII Западъ подвергается по очереди монополіи: Итальянскихъ республикъ, Ганзейскихъ городовъ, Голландіи и Фламандцевъ. Свобода торговли не существуетъ. Пиза, Генуя, Флоренція, Венеція, Любекъ, Брюгге, Антверпенъ, Амстердамъ—вотъ складочные магазины міра: всѣ другіе народы должны къ нимъ обращаться. Одинъ или два города во всей Европѣ пріобрѣтаютъ неслыханное благосостояніе, а все остальное томится въ зависимости и нищетѣ. Но соперничество около половины XVII вѣка, вслѣдствіе разоренія Голландіи и торговой борьбы Англии съ Франціей, начинаетъ учреждаться въ мірѣ, и тотчасъ является свобода; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе распространяется соперничество, тѣмъ болѣе растетъ и свобода; наконецъ нынѣ, когда большее чѣмъ въ какое либо другое время исторіи, число народовъ соперничаетъ на рынкахъ міра, свобода торговли совершеннѣе, чѣмъ она была когда либо; доказательство опытное, столь ощутительное, что

мы заключимъ изъ него, не продолжая далѣе, что торговля сношенія государствъ, какъ и частныхъ людей, свободны только тогда, когда опираются на начала соперничества. Однако оно не учреждается само между націями; приведенныя нами черты изъ исторіи народовъ доказываютъ это достаточно. Если соперничество не могло такъ долго изгнать монополіи изъ Европы, то не очевидно ли, что для утвержденія своего, оно нуждается въ нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ. Эти условія и должны мы себѣ объяснить, чтобы составить полное понятіе о свойствахъ свободы торговли.

Слово соперничество возбуждаетъ въ умѣ идеи двоякаго рода: во первыхъ, идею борьбы, происходящей отъ встрѣчи и противоположенія двухъ силъ; во вторыхъ, идею согласія двухъ силъ, которыя противодѣйствуя другъ другу, стремятся однако къ одной и той же цѣли.

Эти составные элементы соперничества очевидны; но при этомъ есть еще одно условіе, необходимость котораго не менѣе осязательна; оно состоитъ въ томъ, чтобы противопоставленныя силы могли выдержать столкновеніе, а для того были бы равны. Если дѣйствительно одна значительнѣе другой, то она сокрушитъ, уничтожитъ ее, и выгода состязанія утрачена: соперничество не имѣетъ цѣлью столкновенія силъ, которое есть только средство, а стремится къ взаимному при этомъ уравниванію ихъ. Здѣсь является великій законъ баланса или равновѣсія, управляющій цѣлымъ міромъ, какъ нравственнымъ, такъ и физическимъ, и безъ соблюденія котораго нѣтъ порядка въ послѣднемъ, нѣтъ свободы въ первомъ. Торговля народовъ, какъ и всякое другое проявленіе дѣятельности человѣческой, свободна, когда она подчиняется этому закону. Если силы, приводимыя при этомъ въ дѣйствіе, не совершенно уравниваются, то свобода ея уничтожается. Но что это за силы, соперничающія въ торговлѣ? Это націи. И такъ соперничество націй, душа свободы внѣшней торговли, не можетъ установиться, если ихъ коммерческое могущество не уравнивается взаимно. Но это можно допустить только при одномъ изъ двухъ

предположеній: или силы соперничающихъ націй уравниваются уже самою природою, или приведены къ тому мѣрами искусственными; ибо очевидно, что если на рынкѣ міра богатство различныхъ народовъ, составляющее источникъ ихъ силъ, не равно, то соперничество не можетъ существовать, и свобода, бросивъ слабый свѣтъ, угаснетъ, уступивъ мѣсто монополии и порабощенію. И такъ равновѣсіе экономического могущества народовъ — вотъ послѣднее условіе появленія и существованія свободы торговли, потому что только отъ равновѣсія зависитъ, вмѣстѣ съ возможностью равносильной борьбы, и возможность соперничества, безъ котораго, по свидѣтельству исторіи и разсудка, торговля не можетъ быть свободною.

Разсмотримъ теперь сущность таможеннаго учрежденія съ тѣмъ, чтобы потомъ, опираясь на все сказанное, рѣшить, противорѣчитъ ли оно, какъ утверждаютъ фритредеры, потребностямъ свободы?

Цѣль учрежденія таможенъ всѣмъ извѣстна: учрежденіе это создано для покровительства земледѣлія, промышленности и торговли, а въ послѣдствіи и мореплаванія тѣхъ націй, которыя стоятъ, по естественному порядку вещей или случайно, ниже другихъ.

Побудительная причина существованія такого покровительства очевидна и справедлива сама по себѣ. Еслибы Провидѣніе даровало всѣмъ народамъ равныя или равносильныя богатства и способности, то свобода торговли существовала бы сама по себѣ, и не было бы надобности въ особыхъ учрежденіяхъ для упроченія ея. Но этого нѣтъ на дѣлѣ: достаточно взглянуть на естественное положеніе странъ и историческія событія, чтобы удостовѣриться въ явномъ и постоянномъ неравенствѣ націй. Одна владѣетъ самыми богатыми продуктами земли, другая нуждается даже въ необходимыхъ. Одна производитъ важнѣйшіе первыя матеріалы, какъ-то: хлѣбъ и желѣзо, и слѣдовательно обладаетъ естественными преимуществами предъ другой, производящей предметы меньшаго потребленія, какъ напримѣръ, кружева и шелкъ. То или другое по-

6 2892

ложеиіе государствъ есть также причина неравенства; такъ владѣніа одной націи одарены роскошно произведеніями, но нѣтъ у ней удобныхъ естественныхъ путей сообщенія; другая же нація, хотя менѣе богатая, но съ лучшими путями сообщенія, можетъ опередить первую. Прибавьте къ этому различіе самыхъ способностей народовъ: одинъ родится промышленникомъ и купцомъ, другой отличается вѣжливостію, вкусомъ и воинъ отъ природы; понятно, что огромная разница въ капиталахъ неизбежна на долгое время, и сколько она выгодна для одного, столько же опасна для другаго. Наконецъ, относительная важность источниковъ богатства народовъ непрестанно измѣняется. Шерсть и дерево были въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ главнѣйшими предметами торговли; они вытѣснены нынѣ каменнымъ углемъ и хлопкомъ, и, можетъ быть, каменный уголь и хлопокъ въ свою очередь уступятъ мѣсто другимъ продуктамъ. Представьте себѣ, что послѣдуетъ открытіе какого либо новаго прядильнаго растенія или приложенія какого-либо новаго начала, напримѣръ, электричества къ освѣщенію, движенію, или нагрѣванію, — вотъ и новый переворотъ въ равновѣсіи промышленнаго міра. Неравенство націй, однимъ словомъ, зависитъ отъ тысячи разныхъ причинъ, такъ что нельзя себѣ вообразить времени, въ которое бы та или другая нація не превосходила остальныхъ въ отношеніи торговли. Значитъ, причина учрежденія таможенъ заключается въ самой природѣ вещей: причина совершенно достаточная, потому что всякое государственное учрежденіе, опирающееся на подобное основаніе, уже само по себѣ есть дѣло необходимости, а не прихоти.

Но какія средства употребляютъ таможни для достиженія своей цѣли? Какими средствами защищаются при этой системѣ слабые отъ неизбежнаго преобладанія сильныхъ? Тарифами. Нація слабѣйшая налагаетъ пошлину на привозныя иностранныя издѣлія той промышленности, которая въ ея владѣніяхъ менѣе естествена, или не такъ давно существуетъ, и слѣдовательно слабѣе. Установленіе этой платы или этого на-

лога заключаетъ ли въ себѣ что либо противное нравственности или разсудку? Нисколько. Каждый народъ естественно имѣетъ право наилучшимъ образомъ обрабатывать свою землю и извлекать наибольшую выгоду изъ страны, въ которой живетъ, и изъ способностей, которыми обладаетъ. Но если превосходство одного изъ сосѣдей мѣшаетъ ему пользоваться этимъ правомъ, ведущимъ окончательно къ увеличенію всеобщаго благосостоянія; то какимъ образомъ принятіе какой либо фискальной мѣры, съ единственной цѣлью имѣть возможность занять приличное мѣсто въ мірѣ промышленномъ и торговомъ, можетъ показаться неблагоприятнымъ или не основаннымъ на правѣ. Напротивъ, справедливость требуетъ всегда защиты слабого противу сильнаго, у народовъ еще болѣе, чѣмъ у частныхъ людей, ибо въ этомъ случаѣ послѣдствія угнѣтенія гораздо важнѣе; и это покровительство не только не есть зло для человѣчества, котораго оно должно было бы избѣгать, а скорѣе благодѣяніе, котораго должно желать. Дѣйствительно, пошлины, платимыя сильнымъ народомъ слабѣйшему, служатъ общему благу, поддерживая промышленное существованіе послѣдняго. И такъ, таможи оправдываются выгодами всемірными, а учрежденіе ихъ самою природою вещей.

Познакомившись съ предметомъ спора, приступимъ теперь къ обсужденію того, дѣйствительно ли учрежденіе таможенъ составляетъ препятствіе для свободы торговли, какъ увѣряютъ фритредеры для оправданія своего ученія.

Настоящій вопросъ такъ положительно рѣшенъ, что становится удивительнымъ, какъ люди, извѣстные по способностямъ и образованію, могли предложить его.

Таможни—препятствіе для свободы торговли? Но онѣ суть единственныя хранительницы ея. Въ самомъ дѣлѣ, что составляетъ сущность этой свободы? — Соперничество. — А каковы условія соперничества? онѣ указаны намъ разсудкомъ: равенство или равновѣсіе соперничающихъ силъ, уравновѣшиваніе противниковъ, частныхъ людей или народовъ. Но равны ли націи, между которыми производится торговля? Ни-

что такъ не очевидно и не постоянно, какъ ихъ неравенство. Какова же цѣль таможенъ? Учрежденіемъ пошлинъ уравнивать искусственно торговья силы народовъ, естественно неравныя, т. е. создать систему равновѣсія, которая позволила бы имъ выдерживать взаимное соперничество: развѣ не есть это самая теорія условной свободы? Что же дѣлаютъ, выставляя таможи препятствіемъ для свободы торговли? Принимаютъ за систему препятствій и помѣхъ то, что въ сущности есть ничто иное, какъ обезпеченіе и ограниченіе.

Исторія, къ которой мы, не строители системъ, не боимся прибѣгать, вполне это подтверждаетъ. Въ теченіе древнихъ и среднихъ вѣковъ и во времена возрожденія, отъ Карла Великаго до Людовика XIV-го, учрежденіе таможенъ, какъ орудія народной промышленности, находилось въ пренебреженіи.—Что же было тогда?—Постояннымъ правиломъ всемірной торговли была монополія.—Торговля, предоставленная всѣмъ случайнымъ измѣненіямъ, находилась всегда въ рукахъ націи, наиболее къ тому благопріятствуемой, наиболее промышленной; соперничество было невозможно, и міръ оставался въ угнетеніи. Исторія торговли тѣхъ вѣковъ рабства состоитъ изъ однихъ сказаній о перемѣщеніи столицы монополіи. Лѣтописи торговли содержатъ только имена нѣкоторыхъ городовъ, обогащавшихся по очереди достояніемъ и данью вселенной: богатство Тира, Орхомень, Родоса, Карфагена, Коринѳа, Марсели, Александріи—вотъ въ противоположность съ угнетеніемъ и нищетою всего остальнаго міра, что представляетъ торговая исторія древнихъ временъ. Въ средніе вѣка, до половины XVII-го столѣтія тоже незнаніе благодѣяній покровительства, тѣже послѣдствія для свободы. Монополія перемѣняетъ много мѣстъ: съ береговъ Адриатики и Арно переносится она на устья Везера и Эльбы; потомъ останавливается на Шельдѣ, на Гарлемскомъ морѣ и Зюдерзе; но на какихъ бы берегахъ она не останавливалась, все одинаково давитъ она и гнететъ Западъ, какъ въ древности давила и угнетала Востокъ. Наконецъ въ половинѣ XVII-го вѣка Англія и Франція, уничтоживъ своею политикою и оружіемъ

могущество Голландіи, покушаются почти въ одно и тоже время защищать тарифами свои возрастающія промышленности, одна скотоводство и овцеводство, другая фабрики суконныя, кружевныя, зерькальныя и т. п, и такимъ образомъ приготавливаютъ у себя элементы для будущаго соперничества съ подобными же произведеніями иностранными. Опытъ такой попытки достигнуть равновѣсія, а слѣдовательно и свободы промышленности, торговли и мореплаванія, былъ не продолжителенъ. Но примѣръ говорилъ самъ за себя и нашелъ послѣдителей. Всѣ другія націи, съ тѣхъ поръ и до сего времени, сглаживая посредствомъ тарифовъ естественное или случайное неравенство своего торговаго могущества, постепенно вступали на путь системы покровительственной. У насъ передъ глазами результаты этой важной перемѣны; мы можемъ сравнить положеніе торговли, созданное таможами, съ тѣмъ состояніемъ ея, которое было до принятія ихъ различными народами среднихъ и древнихъ вѣковъ.—Какая разница въ равновѣсіи, соперничествѣ, свободѣ и наконецъ благосостояніи міра? Прежде, до таможенъ, одинъ флагъ развѣвался на всѣхъ моряхъ; единственный флотъ итальянскій, ганзейскій или голландскій владычествовалъ надъ океаномъ и собиралъ дань. Факторы всего міра *portiores terrarum*, эти неограниченные владѣтели морей, стѣсняли свободу ихъ. Но тарифы покровительствуютъ мореплаваніе различныхъ народовъ: сознаются четыре первоклассные флота: англійскій, французскій, американскій и русскій, и завоевываютъ свободу океана. То же самое и въ земледѣліи и въ промышленности. Одинъ народъ, даже одинъ городъ, въ прежнія времена, распоряжался распредѣленіемъ богатствъ земледѣлія и промышленности, и что же? отъ того страдало и то и другое, и рѣдкость произведеній поддерживала дороговизну: являются таможи, монополія уничтожена; соперничество возбуждаетъ множество мануфактуръ; земледѣліе, вызванное, поддержанное и обогащенное промышленностію, дѣлаетъ неслыханные успѣхи, равновѣсіе устанавливается, тор-

говля освобождается, богатство увеличивается и благосостояніе распространяется.

Вотъ назначеніе таможенъ! И это-то учрежденіе хотятъ стереть съ лица земли однимъ почеркомъ пера, чтобы замѣнить системой, составленной совершенно въ противоположномъ духѣ.

Лейбницъ сказалъ гдѣ-то: «Послѣ долгихъ изысканій я нашелъ, что обыкновенно самыя древнія и общепринятыя мнѣнія суть лучшія, если только ихъ справедливо толкуютъ». — Нѣтъ ни одного учрежденія, давно существующаго у народовъ просвѣщенныхъ, на которое не надлежало бы смотрѣть такъ, какъ совѣтуетъ Лейбницъ. — Уже только по одному этому таможни должны были бы заслужить подробнаго разбора отъ поборниковъ свободной торговли. — Прежде чѣмъ отвергать ихъ и совѣтовать строить на развалинахъ ихъ новую торговую систему, они должны были бы дойти до источника ихъ, вникнуть въ мысль, создавшую ихъ, изучить ихъ вліяніе, и взвѣсить результаты. Дѣйствуя такимъ образомъ, они избѣжали бы упрека въ легкомысліи, въ которомъ ихъ нельзя не упрекнуть теперь, и которое мало говоритъ въ пользу основательности ихъ ученія; наконецъ, что еще важнѣе, они не приняли бы за исходную точку своей системы положенія существенно ложнаго.

Положеніе это, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что такъ какъ таможни суть великое всѣмъ извѣстное препятствіе для свободы торговли, то уничтоженіе ихъ есть вѣрнѣйшее средство основать и развить эту свободу. Но послѣ всего сказаннаго нами очевидно напротивъ, что если учрежденіе таможенъ имѣло послѣдствіемъ установленіе, вмѣстѣ съ промышленнымъ равновѣсіемъ націй, возможности соперничества, а слѣдовательно и свободы торговли; то уничтоженіе этихъ самыхъ таможенъ имѣло бы, въ свою очередь, слѣдствіемъ совершенно противное тому, чего ждутъ покорники свободной торговли, а именно уничтоженіе, вмѣстѣ съ равновѣсіемъ силъ народовъ, всякой борьбы производительности и торговли націй, возстановленіе монополіи и возвращеніе всего міра въ прежнее порабощеніе. Или нѣтъ болѣе ни здраваго смысла, ни исто-

рії, ни логики, или сказанное нами вѣрно. Но заключеніе, вытекающее изъ сего противъ системы свободной торговли, очень важно; система эта не имѣетъ данныхъ для своего существованія, ибо основанія, приводимыя ею, ложны до такой степени, что анализъ и наблюденіе велятъ слѣдовать правиламъ совершенно противоположнымъ для того, чтобы идти путемъ естественнымъ и справедливымъ. Съ перваго же шага и въ самой сущности этого ученія мы видимъ непріятное подтвержденіе того характера утопіи, который лежитъ на немъ и съ внѣшней стороны: дѣйствительно, теперь химера изъ вѣроятной дѣлается явною и на самомъ важномъ пунктѣ, ибо изъ него вытекаетъ все остальное въ этомъ ученіи, а съ тѣмъ и предположенія наши получаютъ достовѣрность.

Но какъ ни убѣждены мы въ правильности нашего заключенія, прежде чѣмъ идти далѣе и глубже вникать въ систему свободной торговли, мы обязаны подвергнуть ее еще одному испытанію.—Мы показали, что исходная точка ея ложна; ибо она предполагаетъ достигнуть свободы международной торговли уничтоженіемъ таможенъ, между тѣмъ какъ совершенно ясно, что безъ таможенъ свобода эта никогда не существовала бы и не могла существовать. Поборники системы свободной международной торговли могутъ однако привести нѣкоторые доводы въ доказательство своего основнаго положенія; по сему, чтобы не оставлять ничего безъ вниманія, выслушаемъ ихъ: посвятимъ цѣлую главу изложенію и обсужденію этихъ положеній.

ГЛАВА III.

Нападки на таможенное учреждение и ихъ неосновательность.

Люди, мечтающіе о новомъ только порядкѣ вещей и отличающіеся не гениемъ, но лишь развитіемъ своего воображенія, не имѣютъ обыкновенія доказывать основательность своихъ ученій ни разсужденіями, ни фактами. Они излагаютъ эти ученія, и этого достаточно, чтобы питать къ нимъ полное довѣріе. Но за то они безъ устали нападаютъ на недостатки того учрежденія, гибели котораго ищутъ только вслѣдствіе дѣйствія страстей. Совершенно преданные грезамъ своей фантазіи, такіе строители системъ естественно упоются и восторгаются ими; если они и говорятъ тогда съ догматическою важностію, такъ это потому, что въ простотѣ сердечной принимаютъ за догмы собственные свои выдумки. Но то, что было прежде однимъ только заблужденіемъ, становится вскорѣ тактикою.—Подобные пововводители, не имѣя возможности подвести основанія своимъ теоріямъ, хранятъ торжественное молчаніе; и скоро кажется, что было бы святотатствомъ не раздѣлять съ ними слѣпой вѣры въ ихъ системы. Въ то же время, чтобы не остаться въ долгу у противниковъ, они извергаютъ громъ и молнію противъ тѣхъ преданій, которыхъ не хотятъ признать. Между тѣмъ толпа, въ жалкомъ невѣдѣніи сущности вещей, всегда обольщается словами; въ глазахъ ея все существующее имѣетъ тотъ уже непростительный недостатокъ, что существуетъ; она способна все допустить и всему повѣрить, когда ей обѣщаютъ замѣнить злоупотребленія чудесами; она съ уваженіемъ смотритъ на жреческій видъ, въ который облачаются систематики, и мало по малу ученіе распространяется.

Люди умные, улыбаясь, не обращают на него вниманія; время течетъ, число сектантовъ увеличивается, и вотъ какимъ путемъ подкапываются и вводятся самыя гибельныя идеи.

Вотъ въ десяти строкахъ вся исторія системы свободной торговли.—Потребуйте у поборниковъ ея хоть одно прямое доказательство. Они уничтожатъ васъ своимъ молчаніемъ и призраніемъ. Кто этотъ скучный и любопытный человѣкъ, этотъ умъ, до такой степени отставшій отъ обыкновенной міра, что спрашиваетъ у систематиковъ доказательствъ, подтверждающихъ ученіе ихъ? Молчаніе—вотъ ему отвѣтъ.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли всю ловкость такой тактики.—Ясно, что начали они говорить, и все погибло. Что же можетъ быть тутъ лучше молчанія? Но такъ какъ надо же было чѣмъ нибудь прикрыть всю возмутительность столь неслыханнаго ученія, то они и напали на недостатки, пороки и чудовищныя злоупотребленія того учрежденія, которое хотѣли уничтожить: изъ этого произошла критика таможеннаго учрежденія—литература самая плодовитая и самая безтолковая изъ всѣхъ, когда либо появлявшихся. Не трудно понять, какъ двусмысленна и слаба эта тактика всѣхъ систематиковъ, принятая на этотъ разъ и поборниками свободной торговли: они молчаливы, когда приходится оправдываться, и рѣчисты выше всякаго многословія, когда думаютъ нападать. Духъ нововведеній есть безъ сомнѣнія духъ плодотворный. Прогрессъ есть законъ міра, и справедливо сказалъ одинъ философъ, что не должно принимать «мнѣній нашихъ отцевъ только потому, что это были ихъ мнѣнія.»—Когда принимаютъ какое либо нововведеніе, не лучше ли позаботиться сперва о законности самаго нововведенія, чѣмъ о недостаткахъ существующаго порядка, которые предлагаютъ ниспровергнуть?

Такъ по крайней мѣрѣ, въ противоположность дюжиннымъ нововведеніямъ, поступали нововводители гениальные. Взгляните на Декарта, взгляните на Кювье: одинъ предпринимаетъ замѣнить сочиненіе Аристотеля, какъ оно ни прекрасно само по себѣ, книгою еще прекраснѣйшею, книгою, которая была всег-

да предъ глазами этого великаго мыслителя: книгою души чело-
 вѣческой; другой предлагаетъ замѣнить блестящія фантазіи
 Бюффона и Лейбница наблюденіемъ природы. Какъ берется
 тотъ и другой за установленіе превосходства своихъ ученій
 надъ духомъ преданія? Разпространяются ли они въ критикахъ
 противъ этихъ преданій? Нѣтъ, всѣ силы ихъ сосредоточены
 на томъ, чтобы прямо путемъ разсужденія и фактовъ доказать
 прочность своихъ правилъ, оставляя потомству произнести
 свой приговоръ надъ новыми правилами и существовавшими
 дотолѣ ученіями? Вотъ печать истиннаго генія: умъ осторож-
 ный и терпѣливый. Что же дѣлаютъ, напротивъ того, систе-
 матики? Они утверждаютъ, рѣшаютъ, пророчествуютъ: это
 отсутствіе разсужденія подъ личиною важности—ихъ точка
 опоры! О! они не ищутъ ея въ прочности своего ученія, *и*
 въ недостаткахъ существующаго порядка; какъ будто, если
 существующій порядокъ имѣетъ недостатки, то изъ этого
 естественно слѣдуетъ, что ихъ система безъукоризненна! Да
 и что доказываетъ критика, когда они даже справедливы? Что
 учрежденіе, къ которому она относится, несовершенно. Не
 большое же чудо, если учрежденіе это есть дѣло рукъ чело-
 вѣческихъ! Доказываютъ, или стараются доказать, что таможен-
 ная система не лишена злоупотребленій и недостатковъ. Если
 это и такъ, слѣдуетъ ли отсюда, что ее надо уничтожить? Да,
 можетъ быть, въ глазахъ челоуѣка, ослѣпленнаго заблуж-
 деніемъ, но въ глазахъ здравомыслящаго, изъ этого слѣ-
 дуетъ только то, что ее надо улучшить. Если бы стали уни-
 чтожать все, что служитъ на землѣ причиною къ зло-
 употребленію, не устояла бы и религія. Потомъ, изъ не-
 достатковъ таможенъ, что можно заключить въ пользу ка-
 кой бы то ни было системы, которою хотятъ ихъ замѣнить?
 Доказано, что покровительственная система недостаточна, и
 вотъ прекрасный поводъ заключать, что система свободной
 торговли совершенство! Надо было доказать не то, что таможни
 суть плохое учрежденіе, а то, что свободная торговля есть
 ученіе, основанное на опытѣ и разумѣ. Но этого-то и недо-

казано. А почему? мы уже видѣли почему; потому что невозможно; потому—что совершенно на оборотъ система свободной торговли основывается на гипотезѣ, не выдерживающей самаго поверхностнаго разбора.

Посмотримъ, во всякомъ случаѣ, на эти недостатки, пороки и злоупотребленія таможенной системы, изъ которыхъ надѣлали такъ много шуму поборники свободной торговли. Хотя изъ критики своей они ничего не могутъ вывести въ пользу своей теоріи, однако провѣримъ эти критики. Они понаполнили много томовъ въ теченіи шестидесяти лѣтъ, сколько писателей перебрали, толкуя ихъ на разныя манеры. Небезполезно взглянуть на нихъ.

Можно раздѣлить на три совершенно отличные разряда упреки, обращенные поборниками свободной торговли противъ таможенъ. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что онѣ противны, 1) свободѣ; 2) благосостоянію государствъ, и наконецъ 3) просвѣщенію. Одинъ уже перечень этихъ обвиненій долженъ казаться страннымъ послѣ всего уже сказаннаго. Если до сихъ поръ мы доказали что—нибудь и доказали, опираясь на непогрѣшимыя свидѣтельства міра дѣйствительнаго и исторіи, такъ это то, что безъ таможенъ, нѣтъ свободы торговли, слѣдовательно, нѣтъ благосостоянія для государствъ, и стало быть нѣтъ просвѣщенія.

Но странность этихъ критикъ ничто въ сравненіи съ слабостью приводимыхъ ими основаній.

Во-первыхъ, говорятъ они, свобода въ ея проявленіи открыто нарушается таможнями. Свобода промышленности и труда, свобода гражданская, свобода личная и даже свобода политическая—все гибнетъ или страдаетъ отъ этого учрежденія. Каждый членъ общества имѣетъ неограниченное право доставать себѣ, гдѣ хочетъ и гдѣ находитъ дешевле, предметы, потребные для его продовольствія, содержанія и работы: предметы потребленія, первые матеріалы, инструменты, орудія, машины и т. д. Тотъ же гражданинъ имѣетъ такое же неограниченное право продавать свои издѣлія по своему усмотрѣнію. Но права

эти нарушены таможнями. Всякій производитель, благодаря имъ, долженъ продавать свои издѣлія только опредѣленному числу покупателей; всякій потребитель долженъ пріобрѣтать все, ему необходимое, только у извѣстнаго, строго опредѣленнаго числа продавцевъ. Человѣкъ получилъ отъ Бога естественное право продавать произведенія своего труда всему міру, и получать предметы, необходимые для удовлетворенія его нуждъ, со всего земнаго шара; это право не существуетъ, таможни задушили его. Свобода гражданская также не избѣгла этого. Единство закона и равенство правъ — вотъ девизъ этой свободы. Что стало съ равенствомъ правъ? Свобода гражданская не признаетъ никакихъ взаимныхъ отношеній между потребителемъ и производителемъ. Какъ потребитель, я обязанъ дать взаменъ вещи, необходимой для удовлетворенія нуждъ моихъ или моего семейства, количество моей работы, пропорціональное рыночной цѣнѣ этихъ вещей; и только пропорціональность этой общей цѣнѣ естественна и законна. Но таможни даютъ право производителю, моему сосѣду, моему ближнему, или который долженъ былъ бы называться моимъ ближнимъ, право продавать мнѣ тотъ или другой, нужный для меня предметъ дороже его рыночной цѣны. Развѣ неравенство тутъ не очевидно? Даже для мануфактуристовъ одного и того же государства покровительство не равно: одинъ пользуется громаднымъ покровительствомъ, а другой вовсе лишенъ его. Гдѣ же единство закона? Прибавьте къ тому, что иностранецъ, въ отщепеніе, также нападаетъ на издѣліе мануфактуриста неохранныя, такъ что послѣдній дѣлается двойной жертвой и двойнымъ рабомъ привилегіи и монополіи, учрежденной къ выгодѣ только одного.

Таможенныя пошлины суть ничто иное, какъ налоги или феодальная поземельная пошлина, взимаемая съ цѣлой массы народа въ пользу нѣкоторыхъ частныхъ людей. Согласовать такое учрежденіе съ свободой, все равно, что хотѣть согласія варварства съ просвѣщеніемъ, феодализма съ общественнымъ правомъ. Говорить ли о свободѣ личной? Что могло статься съ

нею при системѣ, поставляющей государственнымъ правиломъ обыскъ домовый и телесный? Наконецъ свобода политическая есть только вѣнецъ всѣхъ правъ гражданина, но духъ ея, безъ сомнѣнія, не согласуется съ духомъ системы, налагающей руку на родной очагъ и самую личность этого гражданина. Революція 1789 года, казалось, навсегда должна бы замѣнить привилегіи равенствомъ, и дѣйствительно собранія присяжныхъ, цехи, суды, палаты и все остальное пало предъ этимъ чуднымъ усиленіемъ ума общественнаго, но таможни устояли, какъ наглый вызовъ всему просвѣщенію!

Вотъ содержаніе критикъ перваго разряда. По внѣшности онѣ, разумѣется, прекрасны и необыкновенны; но заглянемъ внутрь.

Таможни, говорятъ они, возобновляютъ правило привилегій и учреждаютъ монополію въ промышленности. Разсмотримъ отдѣльно эти оба обвиненія.

Что такое привилегія? право, данное гражданину, исключительно пользоваться и заниматься одному тѣмъ или другимъ ремесломъ. Спрашивается, даютъ ли таможни комунибудь такое право въ ущербъ его согражданамъ? Кто мѣшаетъ всякому, пользующемуся гражданскими правами, возводить заводы, рыть мины, обрабатывать хлопокъ, шерсть, ленъ, пеньку и т. д. и доводить свою промышленность до высшей степени развитія, къ великой выгодѣ всего государства, подъ покровительствомъ законовъ, установленныхъ государствомъ для поощренія промышленности? А если этому никто не мѣшаетъ, такъ что же толкуете вы о промышленныхъ ленахъ? Смѣшонъ феодализмъ, который доступенъ для всѣхъ и cadaго.

Далѣе говорятъ о монополіи. Монополія дѣйствительно была бы слѣдствіемъ привилегіи; но какъ первая не существуетъ, то трудно предположить существованіе и другой; впрочемъ все это подтверждается и фактами. Никогда и нигдѣ въ образованной Европѣ соперничество между частными людьми не было такъ дѣятельно и такъ сильно, какъ нынѣ. Послѣдствія его въ усовершенствованіи и пониженіи цѣнъ на главные пред-

меты промышленности очевидны. Всѣмъ извѣстно, на примѣръ, что цѣна желѣза во Франціи, при покровительственной системѣ, упала почти на половину, и цѣна бумажныхъ издѣлій на три четверти, и все это въ очень короткое время. Даже есть такія промышленности, которыхъ произведенія, вслѣдствіе сильнаго соперничества мануфактуристовъ, упали во Франціи до цѣнъ разорительныхъ для производителей; фабрикація обоевъ въ этомъ отношеніи всѣмъ извѣстна. Вотъ странныя монополіи, которыя вмѣсто того, чтобъ производить дороговизну, понижаютъ цѣны и, вмѣсто уничтоженія соперничества, такъ умножаютъ и возбуждаютъ его, что оттого страдаетъ даже сама производительность! Загадочныя монополіи!

Есть однако средство объяснить эту загадку, прибавивъ къ словамъ монополіи и привилегіи—прилагательное національное, обыкновенно опускаемое фритредерами. Тогда загадка ясна, или, лучше сказать, ея нѣтъ вовсе: таможи суть дѣйствительно неопровержимый источникъ привилегій и монополій *національныхъ* для того общества, котораго промышленности ими охраняются, а слѣдовательно и для всѣхъ, безъ исключенія, членовъ этого общества. Но что можно найти неудобнаго въ существованіи обезпеченій, безъ которыхъ трудъ, промышленность, продовольствіе, содержаніе и торговля извѣстнаго государства были бы беззащитно предоставлены въ пользу иностранцевъ? И при подобномъ воззрѣніи, что отвѣчать на всѣ восклицанія о гибели свободы промышленной и т. д.?

Вы говорите, что свобода ваша угнетена, если вы не имѣете неограниченнаго права продавать по всей землѣ произведенія вашего труда и получать, откуда хотите, предметы необходимые для удовлетворенія вашихъ потребностей? Но у васъ, значить, нѣтъ отечества? Вы, значить, гражданинъ вселенной? Вы, значить, не признаете никакихъ взаимныхъ отношеній между собою и жителями вашей родной страны, которая воспитала и охраняла васъ? Надо полагать такъ, если вы называете рабствомъ подчиненіе общему закону, управляющему всѣми вашими соотечественниками. Пользованіе неограниченнымъ пра-

вомъ, котораго вы требуете, возможно было бы только при одномъ изъ двухъ условій: или чтобъ по какой-либо несслыханной привилегіи вы были бы избавлены отъ соблюденія государственныхъ постановленій, учрежденныхъ въ вашей странѣ для общаго покровительства промышленности и національной торговли; или чтобы отъ одного полюса до другаго міръ населенъ былъ только одной націей; но ни одна изъ этихъ двухъ гипотезъ не стоитъ и словъ: нельзя требовать, во имя свободы, личной только привилегіи, ни во имя здраваго смысла—невозможнаго.

Но въ какой надеждѣ поборникъ свободной торговли рассчитываетъ на это право продавать и покупать на всемъ земномъ шарѣ, не уважая нуждъ національныхъ? Въ надеждѣ продавать дороже и покупать дешевле. Конечно цѣль похвальная; жаль только, что расчетъ не вѣренъ.

Они также довольно темно говорятъ о цѣнахъ на общемъ рынкѣ міра. Эти цѣны и этотъ общій рынокъ міра суть химеры, если разумѣть подъ ними цѣны на всѣ предметы въ складочныхъ мѣстахъ или въ порто-франко. Текущая цѣна, о которой они говорятъ, есть ничто иное, какъ цѣна, установленная на общихъ рынкахъ народовъ; но она зависитъ отъ соперничества этихъ народовъ. Что же сдѣлается съ нею при системѣ свободной торговли, когда такое соперничество будетъ невозможно? Она станетъ совершенно иною; ее назначить нація, владѣющая монополіею, и тогда вы не продадите дороже и не купите дешевле; но, на оборотъ, купите дороже и продадите дешевле. Доказательствъ тому бездна. Свободная торговля существуетъ нынѣ, относительно каменнаго угля, между Англіей и Тосканой вслѣдствіе той двойной причины, что тосканцы не могутъ соперничать съ англичанами, и что послѣдніе превосходятъ въ этомъ продуктѣ всѣхъ иностранцевъ. Всѣмъ извѣстно, выиграло ли отъ того великое герцогство Тосканское: оно платитъ за уголь вдвое дороже, чѣмъ южные департаменты Франціи, имѣющіе каменноугольные копи и охраняемые таможами, при помощи которыхъ они могутъ, хоть кое-какъ, соперничать съ англичана-

ми. Отъ этой дѣйствительности еще очень далеко до химерическихъ послѣдствій, которыхъ ожидаютъ отъ невозможнаго обращенія міра въ какой-то складочный магазинъ. Что касается до продажи, то невозможно, чтобы она при свободной торговлѣ сдѣлалась выгоднѣй для націй слабыхъ. Дѣйствительно, такія націи были бы разорены, и слѣдовательно продавали бы дешево, если бы только могли тогда продавать. Безъ сомнѣнія, была бы и тогда нація, которая продавала бы дороже, но только одна; а именно та, которая, какъ нѣкогда Венеція, Ганза или Голландія, не имѣла бы соперниковъ ни въ производствѣ, ни въ перевозкѣ, ни въ складкѣ, ни въ торговлѣ.

Они жалуются на монополію, но развѣ не очевидно, что безъ таможенъ естественное неравенство націй привело бы непременно къ всемірной монополіи одной изъ нихъ, въ ущербъ всѣмъ другимъ? Уничтожьте таможи, и вотъ что станется съ свободой вашего труда, вашей промышленности, вашей купли и т. д.: вмѣсто національныхъ монополій, доступныхъ всѣмъ и каждому, кромѣ иностранцевъ, монополій, дающихъ вамъ вѣрную работу и при которыхъ соперничество такъ дѣятельно, что совершенствованіе произведеній и пониженіе цѣнъ увеличивается; вмѣсто этихъ монополій, источниковъ богатства и независимости государствъ и благосостоянія частныхъ лицъ, будетъ у васъ другая монополія, иностранная, которая разоритъ ваши фабрики, оставитъ безъ труда и хлѣба тысячи работниковъ, монополія завистливая, деспотическая, неумолимая, при коей, по невозможности соперничества, промышленность не станетъ болѣе дѣлать успѣховъ, и дороговизна станетъ вѣчною. Вотъ то эльдорадо свободы, до котораго вы достигнете!

Далѣе, что это за неравенство мануфактуристовъ и потребителей передъ закономъ въ системѣ, по которой, говорятъ они, взимается пошлина въ пользу одного класса людей со всей массы народа? Какъ могутъ они говорить это, какъ содрогнулись они поднимать, даже одобрять такія гибельныя нападенія на право собственности? Эти, такъ называемые лены, покровительствуемые государствомъ, не даютъ ли пропитанія

тысячи работникамъ, которые, при уничтоженіи таможенъ, остались бы безъ хлѣба или бѣжали бы, по неволѣ, за границу, чтобъ найти пропитаніе себѣ и своимъ семействамъ? Когда государства охраняетъ ихъ, что же предпринимаетъ оно? Дѣло равно полезное общему богатству и частному благосостоянію. — Дѣйствительно, оно усвояетъ себѣ огромныя производительныя силы, которыя сторицею возвратятъ всему міру проценты пошлинъ, необходимые теперь для существованія промышленности, при постоянномъ пониженіи цѣнъ, становящіяся все менѣе и менѣе обременительными. Что было бы безъ этихъ пошлинъ? Соперничество съ иностранцемъ было бы невозможно, и правительство и частныя лица должны были бы безмолвно склониться передъ нимъ. Подобный налогъ для общей пользы называютъ несправедливымъ взиманіемъ денегъ съ массы народа въ пользу нѣкоторыхъ согражданъ. Гдѣ же справедливость и разумъ? Одинъ знаменитый писатель школы свободной торговли выразился объ этомъ предметѣ весьма оригинально: назвалъ пошлины *таксою въ пользу бѣдныхъ*. Положимъ такъ; выраженіе справедливое. Дѣйствительно, дифференціальныя пошлины суть деньги, платимыя бѣдными націями неблагодарности ихъ почвы, суровости ихъ климата, позднему развитію ихъ промышленностей, съ тѣмъ чтобы не быть выданными безъ защиты націямъ болѣе счастливымъ. Мы согласны въ томъ, что таможи могутъ быть приняты въ этомъ смыслѣ; налогъ, взимаемый ими съ народа, есть цѣна выкупа отъ монополіи иностранца. Это правда; но что же въ этомъ дурнаго? и съ какихъ поръ запрещено уже слабому защищаться отъ угнетеній сильнаго и бѣдному противиться лихоимству богатаго?

Теперь слѣдуетъ уничтоженіе личной свободы каждаго гражданина, котораго таможенные чиновники именемъ закона могутъ обыскивать. Объ этомъ были исписаны цѣлые томы. — Оставимъ всѣ крики страстей и будемъ судить хладнокровно и безпристрастно. Если таможи, какъ мы то достаточно доказали, необходимы для свободы промышленности и торговли народовъ, то законъ долженъ заставить уважать ихъ. Въ этомъ

заключается выгода государственная во-первыхъ, и во-вторыхъ выгода частныхъ людей, въ которой никто не можетъ сомнѣваться. Но кто же дерзаетъ издѣваться надъ ними? Кто же этотъ поборникъ свободной торговли, который ищетъ, старается обойтись безъ таможенъ? Контрабандистъ, воръ? Позвольте васъ спросить: во-первыхъ, какимъ образомъ контрабанда, самое постыдное и ненавистное воровство, ибо выгоды купца тогда заключаются въ покражѣ, приносящей ущербъ промышленности и торговлѣ національной въ пользу иностранца, какимъ образомъ подобный поступокъ можетъ быть пощажень судомъ или закономъ? Странное ослѣпленіе духа системы! Вотъ философы, честнѣйшіе люди въ свѣтѣ, которые частію по упорству духа школы, частію силою логики принуждены облекать въ научную форму разсужденія контрабандистовъ и мошенниковъ. Но, говорятъ они, честнѣйшій человѣкъ можетъ быть подверженъ таможеннымъ обыскамъ; на это даже имѣютъ право, и это бываетъ всякой разъ, когда кто-либо переходитъ чрезъ границу. Пусть онъ явится изъ Англіи или Бельгіи, и первый таможенный чиновникъ можетъ обыскать, нѣтъ ли на немъ бумажныхъ тканей или кружевъ; даже сосѣдніе дома мануфактуриста могутъ быть обысканы, какъ подозрѣваемые въ томъ, что служатъ мѣстомъ укрывательства, а владѣлецъ этихъ домовъ можетъ быть очень честнымъ человѣкомъ, неспособнымъ утаить ни одного рубля во вредъ своему ближнему или государству. — Что за ужасное правило и что за обильный источникъ злоупотребленій! Все это очень хорошо, но дайте намъ, если вы знаете, какое-либо средство лучше, могущее безъ стражи и полиціи предупредить контрабанду. Правда, даютъ одно, которое вѣрно: это уничтоженіе таможенъ. — Отличное средство, нечего сказать! чтобы избавить иностранца отъ труда производить, или заставлять производить контрабанду, ему настежь растворяютъ двери и совершенно официально дозволяютъ водворять всемогущество монополіи! Средство, разумѣется, несомнѣнно: но сознаемся, что дорого заплатишь за него, цѣною раззоренія торговли въ своемъ государствѣ. — Кромѣ того, ка

кое взиманіе податей обходится безъ притѣсненій и злоупотребленій, и какой умный человекъ выведетъ изъ того какъ слѣдствіе, что должно уничтожить подати? Конскрипція рекрутства есть также нарушеніе личной свободы; но кто же, вооружась этими притѣсненіями, потребуеть уничтоженія армій? Самые отчаянные анархисты. И вотъ, не думая и не гадая, въ какое общество попадають поборники свободной торговли, когда отъ стѣсненій и крайностей таможенной полиціи они заключаютъ о необходимости уничтоженія таможенъ.

Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о той знаменитой аналогіи, которую проводятъ между свободой торговой и свободой политической. — Эта аналогія есть очевидно софизмъ, если предполагають, играя словами, что свобода торговца должна быть одинаковою съ свободою гражданина. Свобода купца внутри страны, въ которой онъ живетъ, въ государствѣ, часть котораго онъ составляетъ, должна быть совершенная, какъ и свобода гражданская. Но спрашивается, на основаніи какой аналогіи требуютъ они купцу внѣ предѣловъ его отечества такой неограниченной свободы, которой не могъ бы требовать и гражданинъ? Англичанинъ или Французъ не имѣетъ, кажется, избирательныхъ правъ во всемъ мірѣ. — Онъ имѣетъ ихъ только въ Англии или во Франціи. Гражданскія права его прекращаются тамъ, гдѣ кончаются границы его отечества. Аналогія словъ, по которой отъ національной свободы гражданина сдѣлали заключеніе къ космополитической свободѣ торговца, есть просто бессмыслица. Что же касается до настоящей аналогіи, то заключеніе, выводимое изъ нея, совершенно противно заключенію поборниковъ свободной торговли. Въ общемъ смыслѣ справедливо, что всѣ виды свободы взаимно связаны между собою и покоются на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Свобода торговая съ точки зрѣнія условій ея существованія зависитъ отъ тѣхъ же законовъ, какъ и свобода религиозная, свобода гражданская и свобода политическая. Однако необходимо, чтобъ вездѣ была взаимная борьба силъ; взаимное ихъ уравниваніе въ религіи нужно, чтобы пытли-

вость ума обуздывала безумный фанатизмъ, а строгая покорность истинной вѣрѣ излишнюю пытливость ума; въ государствѣ надо, чтобы всѣ власти взаимно контролировались и обуздывались одна другою; въ гражданскомъ правѣ необходимо, чтобы равенство умѣло выносить нѣкоторыя неравенства естественныя и общественныя, и чтобы эти неравенства, въ свою очередь, не тѣснили равенства. Всемирная торговля тоже, какъ мы видѣли, должна повиноваться этому закону; она свободна, когда соперничество между всѣми націями обезпечено, и это соперничество возможно, если націи способны ко взаимному состязанію. Вотъ каковъ глубокой смыслъ аналогіи всякой свободы!

И такъ вотъ въ чемъ состоитъ этотъ важный упрекъ въ угнетеніи свободы, дѣлаемый таможенному учрежденію. Мы потому такъ долго занимались анализомъ этого упрека, что онъ гораздо важнѣе другихъ, и что другіе два пункта обвиненія, истекающіе изъ него, опровергаются сами собою. Показавъ въ самомъ дѣлѣ, что таможни, будучи единственною гарантіею свободы торговли государствъ, не только не стѣсняютъ, но покровительствуютъ отдѣльнымъ членамъ этихъ государствъ, ясно выводится и слѣдуетъ само собой, что благосостояніе и просвѣщеніе человѣчества, не теряя рѣшительно ничего при существованіи и поддержаніи подобнаго учрежденія, много, напротивъ, оттого выигрываютъ. Поборники свободной торговли отрицаютъ это, и чтобы покончить споръ, довольно разсмотрѣть сущность этихъ отрицаній только въ двухъ отношеніяхъ.

Что касается до благосостоянія человѣчества, то увѣряютъ, что таможни наносятъ ему роковой ударъ, уничтожая соперничество между націями и замѣняя его, насильственно, соперничествомъ внутреннимъ, котораго дѣйствія внутри каждаго государства суть причина бѣдствій и несчастій, затрудняющая образованіе капиталовъ, препятствующая возрастанію заработной платы и сокращающая источникъ общественныхъ доходовъ. Всеконечно, эти обвиненія точно также, какъ и первыя, отличаются и разнообразіемъ, и смѣлостью, но въ тоже время отсутствіемъ и тѣни прочнаго основанія.

Если таможи, какъ предполагають, суть для міра причина постоянно увеличивающихся напрасныхъ издержекъ; отчего же происходитъ, что міръ никогда такъ не процвѣталъ, какъ по усвоеніи различными государствами таможеннаго учрежденія? Отчего богатство всякаго народа начинается лишь со дня вступленія его на путь системы покровительственной, и чѣмъ болѣе число народовъ вступаетъ на этотъ путь, тѣмъ болѣе возрастаетъ и всемірное богатство, и благосостояніе частныхъ людей? Все это достойно замѣчанія. Кажется никто не станетъ утверждать, чтобы міръ съ тѣхъ поръ, какъ при помощи таможи онъ покрылся мануфактурами, не сталъ несравненно богатѣе, чѣмъ когда промышленность гнѣздилась въ одномъ какомъ-либо городѣ или въ одномъ какомъ-либо государствѣ. Разсмотрите исторію всѣхъ народовъ Европейскихъ: нѣтъ ни одного изъ нихъ, котораго земледѣльческое, промышленное или торговое богатство не начиналось бы со времени принятія его правительствомъ покровительственнаго тарифа. Ограничимся двумя примѣрами. Когда началось колоссальное величіе Англии и процвѣтаніе Франціи, если не современи акта мореплаванія у одной и учрежденій Кольберта у другой? Наконецъ нынѣ, когда цѣлый міръ покрытъ таможами, когда онъ не суть уже тайна монополіи одного народа, но щитъ независимости и торговой борьбы всѣхъ народовъ, съ тѣхъ поръ, какъ Германія, Австрія, Россія и Америка послѣдовали примѣру Англии и Франціи, какое увеличеніе, по мѣрѣ распространенія въ нихъ системы покровительственной, благосостоянія cadaго изъ этихъ государствъ, а послѣдовательно и благосостояніе всего міра, ибо они очевидно составляютъ часть его. Когда поборники свободной торговли утверждаютъ, что земля побѣднѣла со времени учрежденія таможенъ, то они поддерживаютъ, по свидѣтельству фактовъ, не больше, какъ порадоксъ самый и самый ложный, какой только можно себѣ вообразить.

Но разсмотримъ въ подробности это странное разсужденіе. Таможи уничтожаютъ соперничество между народами; примѣръ: не возникаетъ ни одной новой промышленности, не изо-

брѣтается ни одного новаго способа производства, которыхъ всѣ народы, благодаря покровительственнымъ таможнямъ, не поспѣшили бы тотчасъ же усвоить себѣ. Россія и Пруссія, благодаря своимъ тарифамъ, уже подражаютъ съ успѣхомъ нашей шелковой промышленности. Франція усвоила себѣ тѣмъ же способомъ промышленность хлопчатобумажную и желѣзную, столь древнія въ Англіи. Англичане, въ свою очередь, все съ помощію того же средства воздвигли у себя стеклянные заводы, подражающіе французскимъ хрусталамъ. Вотъ какъ таможни уничтожаютъ соперничество между націями! Совершенно на оборотъ: безъ нихъ соперничество, всегда начинающееся подражаніемъ, было бы задушено въ самомъ зародышѣ и слѣдовательно было бы невозможно. Далѣе, таможни усиливаютъ внутреннее соперничество. Пріятно слышать, что таможни развиваютъ соперничество; но позвольте спросить, мимоходомъ, какъ согласить это съ тѣмъ, что будто таможни раждаютъ монополіи и лены? Необходимо выбрать что-либо одно: или таможни уничтожаютъ соперничество, или излишне возбуждаютъ его; допустимъ, что одинъ изъ этихъ упрековъ можно предложить, но предлагать ихъ разомъ оба, не значитъ ли злоупотреблять критикою. Однако можно ли чѣмъ-либо доказать, что таможни излишне возбуждаютъ соперничество? Это утвержденіе также справедливо, какъ и то, что таможни угнетаютъ соперничество. Излишнее усиленіе внутренняго соперничества не зависитъ отъ таможенъ. Ежедневно мы видимъ, что такое усиленіе соперничества является въ промышленности и не охраняемой. Жажда выгодъ, масса народонаселенія въ городахъ и деревняхъ, вотъ истинныя причины бѣдствій, производимыхъ чрезмѣрнымъ соперничествомъ. Отличнымъ средствомъ для отстраненія злоупотребленій внутренняго соперничества полагаютъ присовокупленіе къ нему новаго соперничества иностраннаго. Таможни, увѣряютъ еще, замедляютъ образованіе капиталовъ. Доказательство: со времени повсемѣстнаго распространенія таможенъ, капиталы, преизбыточествующіе въ Англіи, выходятъ въ видѣ денегъ, машинъ или работниковъ во всѣ

государства міра; эти капиталы, охраняемые таможами тѣхъ государствъ, доставляютъ средства для производства и соперничества тамъ, гдѣ ихъ не существовало; при помощи ихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ дѣлаютъ то, чего не сдѣлали бы и въ нѣсколько лѣтъ. Всѣмъ извѣстное участіе англійскихъ капиталовъ во всѣхъ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ Европы и Америки вполнѣ подтверждаетъ это. Вотъ какъ таможи замедляютъ образованіе капиталовъ: они привлекаютъ въ страны бѣдныя или отсталыя деньги, машины, способы производства, работниковъ, опытность, — однимъ словомъ, всѣ существенные элементы капитала странъ, болѣе богатыхъ или болѣе развитыхъ. Таможи, далѣе, препятствуютъ увеличенію задѣльной платы. Примѣръ: въ 30 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Франція болѣе, чѣмъ когда-либо, вдалась въ эту ненавистную покровительственную систему, нѣтъ промышленности, гдѣ бы задѣльная плата рабочихъ не увеличилась; въ нѣкоторыхъ промышленностяхъ она удвоилась. Наконецъ финансы государства страдаютъ отъ таможеннаго учрежденія. Съ перваго раза это даже трудно понять: какимъ образомъ казна Франціи, на примѣръ, страдаетъ, взимая ежегодно таможенныхъ пошлинъ болѣе, чѣмъ на 150 милл. франк. Это объясняютъ, — говоря, что если бы таможи были уничтожены, капиталы бы образовались скорѣе, и слѣдовательно было бы болѣе работы и болѣе богатства, и наконецъ настала бы возможность значительно возвысить налоги. Но мы доказали, что таможи, напротивъ того, благоприятствуютъ образованію капиталовъ и что даже безъ нихъ ни одна промышленность не вышла бы за предѣлы того государства, гдѣ родилась; и это избавляетъ насъ отъ труда теперь же изслѣдовать финансовый взглядъ поборниковъ системы свободной торговли; мы обратимся къ нему впоследствии.

Остается просвѣщеніе. Таможи, если вѣрить поборникамъ системы свободной международной торговли, — и это безсомнѣнія самый поэтический упрекъ, наносимый этому учрежденію — таможи суть порожденіе варварства, враждебное успѣхамъ просвѣщенія. Каждый народъ, говорятъ, благодаря та-

можнямъ, поставляетъ себѣ цѣлю удовлетворять свои потребности собственными средствами и вывозить за границу излишекъ своихъ произведеній. Какъ будто народъ, принявши систему покровительственную и провозгласивъ ее единственно разумною, не побуждаетъ тѣмъ самымъ и другихъ слѣдовать его примѣру. Дѣйствительно этотъ роковой примѣръ не остался безъ подражателей. Что же произошло отъ того? Раздѣленіе міра на отдѣльныя области, въ которыхъ каждый народъ упрямо стремится жить одинъ, понуждаемый къ тому мелкимъ и завистливымъ эгоизмомъ. Національная вражда при этой печальной системѣ осталась даже среди новѣйшаго просвѣщенія столь же дикою, какъ и въ самыя грубыя времена. Приучили народы думать, что выгоды ихъ заключаются въ гибели ихъ сосѣдей, и цѣлыя государства, въ ущербъ нравственнымъ успѣхамъ человѣчества, воодушевляются духомъ соперничества, свойственнымъ сосѣдямъ лавочникамъ къ ихъ обоюдному вреду! Вотъ что сдѣлали таможи съ будущностью человѣчества, вотъ на какой путь мрака и униженія увлекаютъ онѣ!

Читатель самъ въ состояніи представить себѣ всѣ тѣ прекрасныя варіаціи, которыя можетъ создать на эту тему и малѣйшее краснорѣчіе; мы ограничимся здѣсь сущностью ихъ; а болѣе любопытнымъ порекомендуемъ, если хотятъ, обратиться къ тому огромному числу томовъ всѣхъ форматовъ, отъ полновѣснаго изданія въ четвертую долю листа до скромнаго въ тридцать вторую, которыхъ уже много накопилось въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ.

Таможи задержали просвѣщеніе. Мы могли бы обратиться къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ, чтобы повѣрить справедливость этого великолѣпнаго парадокса; но удовольствуемся однимъ новѣйшимъ временемъ. Какъ объяснить, что новѣйшее просвѣщеніе начинается съ царствованія королевы Анны и Людовика XIV, т. е. прямо съ того времени, какъ таможи начали водворяться у двухъ просвѣщеннѣйшихъ націй міра? Какимъ же образомъ объяснить, что съ того времени, въ ко-

торое таможенная система все болѣе возрастаетъ и распространяется, просвѣщеніе не перестаетъ увеличиваться? Препятствіе, стало быть, не такъ велико, какъ воображаютъ; напротивъ, стало быть оно очень слабо, если не могло помѣшать просвѣщенію менѣе чѣмъ въ два вѣка разлиться съ быстротою молніи по всему міру? Но пойдѣмъ далѣе: не трудно доказать, что таможни не только не останавливаютъ новѣйшаго просвѣщенія, но напротивъ содѣйствуютъ ему. Дѣйствительно отличительный характеръ этого просвѣщенія состоитъ въ болѣемъ числѣ дѣятелей, принимающихъ участіе въ распространеніи его. Въ древнемъ просвѣщеніи, въ данное время всегда былъ только одинъ народъ, державшій въ своихъ рукахъ судьбы человѣчества. Характеръ же новѣйшаго просвѣщенія состоитъ въ томъ, чтобы въ одно и то же время призвать наибольшее число народовъ къ дѣятельности на пользу общую, на пользу всего человѣчества. Отнимите таможни, и вы уничтожите одну изъ могущественнѣйшихъ пружинъ новѣйшаго просвѣщенія, и вмѣсто семи или осьми народовъ, совокупно стремящихся нынѣ къ развитію просвѣщенія, останется, какъ въ древности и въ средніе вѣка, только одинъ. Вотъ что выиграло бы просвѣщеніе отъ поддержанія системы, которая до учрежденія таможенъ, постоянно поддерживала монополию, безконечно передавая ее изъ рукъ одного народа въ руки другого.

Посмотримъ однако, чѣмъ оправдываютъ столь странныя разсужденія. Таможни, во первыхъ, обособляютъ народы, онѣ препятствуютъ ихъ обоюднымъ сношеніямъ. Отчего же происходитъ, что сношенія эти никогда не были столь развиты, какъ нынѣ? Франція, вся покрытая таможнями, которую представляютъ окруженною китайскою стѣною, въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ увеличила свою внѣшнюю торговлю въ гигантскихъ размѣрахъ: цѣнность въ ней въ теченіи этого періода возрасла отъ 1,500 до 2,800 милл. франк., т. е. болѣе чѣмъ на 86%. Вотъ результатъ этого обособленія для страны, наиболее покровительствуемой таможнями. Таможни, во вторыхъ,

поддерживаютъ старинную національную вражду и увѣковѣчиваютъ войны. Скоро уже 40 лѣтъ, какъ мы въ мирѣ (*); найдется ли въ истории Европы столь долгій періодъ общаго спокойствія? Воображаютъ, что достаточно уничтожить таможни, чтобъ войны прекратились. Войны происходятъ, или отъ противоположности интересовъ отдѣльныхъ націй, или отъ честолюбія, или наконецъ отъ честолюбивыхъ замысловъ правительственныхъ лицъ и самихъ царствующихъ особъ. Но развѣ съ уничтоженіемъ таможенъ народы непременно станутъ имѣть только общіе интересы, и не будетъ уже ни народовъ, ни царей завоевателей?

Продолжать подобныя опроверженія, значило бы оскорблять здравый смыслъ: тѣни не стоятъ борьбы.

Такъ вотъ эта превосходная критика таможеннаго учрежденія! Не страшно видѣть ее облеченною въ пышную форму; теперь видимъ пустоту ея. Свобода, благосостояніе, просвѣщеніе, все гибнетъ отъ таможенъ, по словамъ поборниковъ системы свободной международной торговли; обращаемся къ простому, здравому смыслу, и оказывается совершенно на оборотъ, что безъ таможенъ страдаетъ и просвѣщеніе, и благосостояніе, и свобода.

Прибавьте все это къ тому, что изложено выше, и вы получите цѣлую цѣпь предубѣжденій, неблагопріятныхъ не только для прочности началъ системы свободной торговли, но и для выгодъ ея практическаго приложенія. Мы признали сначала, что существенное основаніе этой системы ложно, потому что она предполагаетъ развить свободу торговли такимъ средствомъ, которое противно духу принимаемыхъ ею началъ; мы видѣли потомъ, что таможенная система, подрываемая свободною торговлею, не только выдерживаетъ самую придирчивую критику ея противниковъ, но и находитъ еще неожиданную для себя поддержку въ незатруднительномъ опровер-

(*) Сочиненіе писано до послѣдней войны.

женіи этихъ нападокъ: слѣдовательно система такъ называемой свободной торговли, столь же дерзкая въ нападкахъ, сколько слабая въ основаніяхъ, должна быть на столько же вздорною и въ ея обѣщаніяхъ. Подобное заключеніе, выведенное изъ фактовъ и здраваго смысла, поистинѣ, должно почестъ вполне справедливымъ и не подверженнымъ никакому сомнѣнію. Однако опроверженіе, хотя и достаточное, было бы неполно, еслибы рѣшились продолжать его. Мы уже видѣли, какъ поборники системы свободной торговли обвиняютъ таможни въ томъ, что онѣ мѣшаютъ осуществленію непогрѣшимыхъ плановъ свободы, благоденствія и просвѣщенія, а потому для совершенно полнаго уразумѣнія каждаго изъ этихъ плановъ вообразимъ систему свободной торговли осуществленною на самомъ дѣлѣ, предположимъ таможни уничтоженными, благословенныя времена наступившими, и поборниковъ системы свободной торговли управляющими судьбами народовъ, — сдѣлались ли бы послѣдніе болѣе свободными, болѣе счастливыми и просвѣщенными ?

Г Л А В А IV.

Что станетъ съ свободою при осуществленіи системы свободной торговли?

Предположимъ, что мы ничего не знаемъ о недостаткахъ системы свободной торговли. Забудемъ, что основанія ея ложны. Математики употребляютъ два способа доказательства истины: въ одномъ, который они называютъ прямымъ, доказательства теоремы почерпаются непосредственно изъ самаго предложенія; въ другомъ, который они называютъ доказательствомъ отъ противнаго, данное предложеніе предполагается ложнымъ, и разсматриваются послѣдствія этого предложенія; если послѣдствія не лѣпы, то заключаютъ, что и самое предложеніе неосновательно, а теорема, которую оно опровергало, справедлива; къ этому—то послѣднему роду доказательствъ желаемъ мы прибѣгнуть.

Мы видѣли причины существованія и выгоды таможеннаго учрежденія; представимъ себѣ теперь, каковы были бы послѣдствія торжества ученія, требующаго уничтоженія таможенъ.

Положимъ, что система свободной торговли принята повсюду, что вся поверхность земнаго шара не представляетъ никакихъ преградъ международнымъ сообщеніямъ. Это можетъ имѣть мѣсто въ двухъ случаяхъ: или таможни никогда нигдѣ не существовали, или въ извѣстную эпоху исторіи онѣ были или будутъ уничтожены. Посмотримъ же, какія были бы послѣдствія такого порядка вещей и главное, что случилось бы съ самою свободою.

Во первыхъ положимъ, что таможни никогда не существовали. Все человѣчество въ извѣстную эпоху, вслѣдствіе неизбежныхъ причинъ, раздѣлилось на отдѣльные народы, но

владѣнія этихъ различныхъ народовъ остались открытыми другъ для друга, и они образовали одно общество или одну торговую республику, въ границахъ которой перевозъ и размѣнъ товаровъ никогда не встрѣчали препятствій. Требуется узнать, что станется при такомъ порядкѣ вещей съ торговой свободой во всѣхъ отношеніяхъ: во первыхъ, со стороны производительности источника торговли, во вторыхъ со стороны потребленія пища торговли, наконецъ со стороны размѣна, необходимаго посредника между производительностію и потребленіемъ, другими словами: вся задача распадается на три слѣдующіе вопроса: что произошло бы отъ системы свободной торговли 1-е съ свободою производства, 2-е потребленія и 3-е съ свободою государствъ, по преимуществу торговыхъ?

Очевидно, во первыхъ, что свобода производства или иначе свобода труда пострадала бы жестоко отъ повсемѣстнаго принятія системы свободной торговли. Каждая нація принуждена была бы обрабатывать и совершенствовать только тотъ родъ промышленности, который ей свойственъ по климату. Вотъ что произошло бы тогда. Весь промышленный міръ пришелъ бы въ положеніе древняго Египта. Каждое государство принуждено было бы ограничиться своей природною промышленностію, и было бы невозможно выйти изъ этого круга, каждая промышленность оставалась бы только на мѣстѣ происхожденія ея; какъ у древнихъ Египтянъ, различныя отрасли ея распредѣлялись бы по семействамъ; шелковая промышленность процвѣтала бы въ Китаѣ, хлопчатобумажная въ Индіи, шерстяная въ Тибетѣ и т. д. Такое послѣдствіе было бы неизбежно, необходимость его бросается въ глаза; только съ помощію таможенъ, какъ извѣстно, можно усвоить себѣ чужеземную промышленность. Когда бы Англія, желая заимствовать у Ганзы и Голландіи скотоводство, шерстяную промышленность и мореплаваніе, а Франція, вводя у себя производства: суконное, кружевное, хрустальное и т. д. ограничились бы пріобрѣтеніемъ первыхъ матеріаловъ и привлеченіемъ иностранныхъ работниковъ, и не позаботились объ охраненіи себя тарифомъ; то нѣтъ сомнѣнія,

что эти промышленности были бы уничтожены при самомъ началѣ соперничествомъ тѣхъ націй, у которыхъ они заимствованы. Ганзейцы, Фламандцы, Голландцы и Венеціянцы однимъ соперничествомъ разорили бы мануфактуры, созданныя гениемъ Елизаветы и Кольберта прежде, даже чѣмъ они успѣли бы совершенно устроиться. Все это ясно, какъ день,—таможни суть единственное средство для перенесенія известной промышленности отъ націи, у которой она процвѣтаетъ, къ той, которая въ ней нуждается. Что же случилось бы посему съ свободою труда при такой системѣ? Каждый производитель, будучи рабомъ климата своей страны, могъ бы приложить свою изобрѣтательность и дѣятельность только къ одной или двумъ промышленностямъ; всѣ другія не существовали бы для него, и гений народовъ, ставъ рабомъ суровости климата и неблагодарности почвы своей страны, заглохъ бы совершенно. Вотъ что произошло бы съ свободою труда, еслибы порядокъ вещей, какъ говорятъ поборники системы свободной торговли, не былъ совращенъ съ *естественнаго пути*. Этотъ *естественный путь* былъ бы вѣчною средою рабства промышленнаго гения народовъ.

Взгляните на Англію. Это была голая скала, на которой плодоносная земля, вѣчно затопляемая дождями, едва доставляла пропитаніе жителямъ. Тщетно природа одарила послѣднихъ необычайною дѣятельностію: лишенные таможенъ, они не въ состояніи были бы усвоить себѣ скотоводство, хотя удобреніе и шерсть могли бы улучшить ихъ земледѣліе и создать новую промышленность. Жертва *естественнаго порядка вещей*—все промышленное образованіе Англичанъ должно было бы погибнуть въ самомъ зародышѣ: достаточно охранить тарифомъ свободу труда въ Англіи, и образованіе должно принять громадное развитіе; но нѣтъ, *естественный порядокъ вещей* препятствуетъ тому. Неестественно, чтобы народъ, которому природа не дала скотоводства, производилъ бы сукна и устраивалъ бы суконныя мануфактуры; и такъ у Англіи не должно быть ни суконъ, ни шерсти, ни скота; тщетно даровало ей небо сокровище

изобрѣтательности, дѣятельности, смѣлости, промышленной, морской и торговой. Нужны таможи, чтобы имѣть свободное употребленіе этихъ сокровищъ; во славу системы свободной торговли, всѣ сокровища эти должны погибнуть. Тотъ же *естественный порядокъ вещей* не долженъ былъ привести Англичанъ къ обработыванію прядильнаго растенія, свойственнаго только климату Америки или Индіи; еще неестественнѣе было цирюльнику Аркрейту возводить хлопчатобумажныя мануфактуры въ графствахъ: Дерби, Ланкастерскомъ и Ланоркскомъ. Безъ таможенъ, давшихъ генію Аркрейта способы насиловать природу, свобода обработывать хлопокъ въ Англіи не существовала бы, и вся эта колоссальная промышленность погибла бы. Еще примѣръ. Императоръ Наполеонъ, слѣдуя естественному порядку вещей могъ ли бы безъ таможенъ достигнуть на сѣверѣ Франціи аклиматизаціи извѣстнаго продукта Антильскихъ острововъ.

Одинъ великій ораторъ сказалъ: «Вся Европа ничто въ сравненіи съ остальнымъ міромъ... что дано ей Богомъ? Дубы, сосны, пастбища, нѣсколько хлѣбныхъ растеній; въ Китаѣ же находимъ шелкъ, въ Индіи хлопокъ, въ Аравіи лошадь. Что же особеннаго дано Европѣ?... Только одно: данъ человѣкъ. Дѣйствительно, человѣкъ, одинъ человѣкъ—вотъ что было сначала единственнымъ богатствомъ Европы, прежде столь бѣдной, нынѣ столь богатой! Что произошло бы, еслибы Европеецъ, вслѣдствіе чудной системы свободной торговли лишенный таможенъ, а слѣдовательно и средствъ вводить и учреждать на своей землѣ разнообразныя промышленности болѣе счастливыхъ климатовъ, не имѣлъ бы возможности побѣдить суровости своего климата и неплодіе почвы? И прозябала бы Европа; и Европеецъ въ варварствѣ и бѣдности, привязанный, какъ животное, къ той средѣ, въ которой онъ имѣлъ несчастіе родиться, Европеецъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ своего отечества богатѣйшую страну въ мірѣ, сохранилъ бы ея природный характеръ! И куда бы привела свободная торговля благороднѣйшее племя человѣчества? Вотъ что сдѣлала бы эта система съ одной изъ

священнѣйшихъ свободъ: съ свободою способностей и труда человека!

Но и свобода потребленія, въ свою очередь столь близко зависящая отъ свободы производства, не въ состояніи была бы дольше противустоять испытанію свободной торговли. Ни одинъ торговецъ несвободенъ, если онъ не имѣетъ произвольнаго выбора въ товарахъ и въ предложеніяхъ многихъ продавцевъ. Свободная торговля, сдѣлавъ изъ каждаго государства родъ естественной промышленной касты, образовала бы монополіи, которыя безъ соперничества завладѣли бы всѣми промышленностями въ мірѣ. Родъ человѣческой былъ бы непремѣннымъ данникомъ извѣстной націи по снабженію себя произведеніями, исключительно ей одной свойственными. При отсутствіи иностраннаго соперничества, эти произведенія не усовершенствовались бы: дороговизна и неподвижность—вотъ каковы были бы главныя черты характера всемірной промышленности. Покупатель былъ бы вездѣ жертвою такого порядка вещей; онъ могъ бы получать извѣстный товаръ только отъ одного продавца, а послѣдній поддерживалъ бы цѣну на свой товаръ, не будучи сильно побуждаемъ къ улучшенію его достоинствъ. Вотъ каковъ былъ бы удѣлъ потребителя; онъ всегда находился бы для удовлетворенія большей части своихъ нуждъ подъ игомъ иностранныхъ монополій.

Это не простыя умозаключенія. Факты, къ коимъ мы прибѣгали уже неоднократно, могутъ вполне подтвердить тѣ послѣдствія, которыя произошли бы отъ водворенія системы свободной торговли. Состояніе, по возможности близко подходящее къ прославленной системѣ свободной торговли, предшествовало тому времени, въ которое принята была нѣсколькими государствами система покровительственная. Покупатель испытывалъ въ то время почти всѣ благодѣянія свободной торговли. Каждая нація занималась промышленностью свойственной ей странѣ: народъ, болѣе торговый и имѣвшій лучшее географическое положеніе, одинъ развозилъ товары по всѣмъ морямъ и одинъ пользовался всѣми выгодами этого перевоза. Вотъ ка-

кія послѣдствія были оттого для потребителя: 1-е, невозможность достать внутри государства бѣльшую часть предметовъ, необходимыхъ для его существованія и труда; 2-е, необходимость выписывать эти предметы изъ страны, которая, благодаря естественному порядку вещей, владѣла исключительно ихъ производствомъ. Тогда подобная страна собирала дань со всего міра, вмѣстѣ съ народомъ, служившимъ ему факторомъ: ни одинъ потребитель не могъ обойтись безъ него, и всѣ, подѣ страхомъ лишенія почти самаго необходимаго, были принуждены склонять голову передъ его требованіями. Это золотой вѣкъ, въ который духъ грабежа купца, владѣвшаго монополіей, сочетавшись съ духомъ лихоимства производителя, имѣвшаго по естественному порядку вещей привиллегію исключительной фабрикаціи, тяготѣлъ надъ беззащитными потребителями; этотъ золотой вѣкъ былъ бы продолженъ до нашего времени, еслибы теорія свободной торговли преобладала въ нынѣшнихъ государствахъ. Пусть просвѣщенный потребитель XIX вѣка сравнитъ свою свободу купли, какъ ее создали и поддерживаютъ таможи, съ ужаснымъ притѣсненіемъ, тяготѣвшимъ надъ нашими несчастными праотцами, когда торговля государствъ была лишена всякаго покровительства и была, на сколько то возможно, близка къ свободной торговлѣ,— пусть сравнитъ онъ все это и судитъ самъ!

Очевидно, что если все это справедливо относительно свободы, труда и размѣна у частныхъ людей, то не менѣе справедливо и въ приложеніи къ свободѣ торговли государствъ. Легко отдать себѣ отчетъ въ томъ, что сдѣлалось бы съ свободою международной торговли при осуществленіи системы либръ-эшанжистовъ. Пять или шесть большихъ естественныхъ монополій, между которыми была бы сначала раздѣлена вся торговля, подѣ постоянно возрастающимъ вліяніемъ начальнаго неравенства этихъ монополій и различія способностей и дѣятельности народовъ, владѣющихъ ими, подчинились бы непременно, современемъ, сильнѣйшей изъ нихъ, и весь міръ подпалъ бы подѣ иго всемірной торговой монархіи. Можетъ быть,

какой-нибудь питомецъ школы свободной торговли возразить на это: «но школа доказала, что продукты окончательно все-таки размѣниваются на продукты; различныя естественныя монополіи соперничали бы между собою и другъ друга уравновѣшивали». Возраженіе чрезвычайно невинное. Безъ сомнѣнія, продукты окончательно размѣниваются только на продукты; и школа, объясняя это, доказывала дѣло и безъ того очевидное. Но чтобы платить продуктами за продукты и не потерять при этомъ своей свободы, необходимы два условія: 1-е) чтобы съ обѣихъ сторонъ были продукты для размѣна на продукты; 2-е) чтобы продукты эти съ обѣихъ сторонъ были равной или равносильной цѣнности. Вообразимъ же себя въ этомъ несбыточномъ положеніи, которое есть идеаль поборниковъ системы свободной торговли: имѣютъ ли различныя климаты, а слѣдовательно и различныя народы, отъ природы продукты для размѣна на продукты? Нѣтъ; безъ своихъ мануфактуръ, для которыхъ даже первые матеріалы получаютъ по бѣльшей части изъ другихъ странъ, что могла бы, на примѣръ, Европа дать когда-либо Азіи? Но кромѣ того, все неравно въ мірѣ; нѣтъ ни одного народа, естественныя произведенія котораго были бы равноцѣнны произведеніямъ другаго народа. Цѣнность сбора хлопка неравна цѣнности сборовъ зерновыхъ хлѣбовъ, цѣнность сбора винограда — цѣнности каменнаго угля и т. д.; въ обширной торговлѣ всегда бѣдному придется доплачивать звонкою монетою за продукты богатаго. Вотъ что Кольбертъ, Монтескье и императоръ Наполеонъ называли торговымъ балансомъ. При системѣ свободной торговли балансъ этотъ былъ бы невозможенъ, и вотъ что произошло бы оттого: народъ, одаренный природою самыми драгоцѣнными произведеніями, промѣнивалъ бы сосѣду своему, менѣе богатому, часть своего сбора на весь сборъ послѣдняго и на добавочную опредѣленную сумму денегъ. Годъ отъ года плата этой разницы (ибо совершенно справедливо, что окончательно продукты все-таки размѣниваются на продукты), истощала бы достатокъ этого бѣднаго народа, и онъ задолжалъ бы богатому. Не имѣя ни про-

дуктовъ, ни денегъ, чтобы уравновѣсить цѣнность обоюдныхъ вывозовъ, такой народъ сперва уплачивалъ бы проценты своего долга. Проценты вызываютъ собою залоги. Но что можетъ дать бѣдный народъ въ залогъ, когда онъ истощилъ свои деньги и продукты? Землю свою. Вотъ къ чему скоро привела бы система свободной торговли. Сильнѣйшій скоро взялъ бы подъ залогъ землю бѣднаго, а возрастаніе долга скоро принудило бы послѣдняго и совершенно лишиться ея. Когда же народъ лишается земли своей, много ли остается у него свободы торговли, не говоря уже о независимости политической? Это не болѣе какъ предположеніе, скажетъ поборникъ системы свободной торговли. Мы нисколько не прибѣгаемъ тутъ къ гипотезамъ: ваши гипотезы, право, въ состояніи излечить человечество отъ страсти прибѣгать къ нимъ. Исторія подтверждаетъ все сказанное. Въ началѣ XVIII вѣка Португалія, благодаря постановленіямъ министра графа Ерецейра, наученнаго примѣромъ Кольберта, пользовалась свободною и цвѣтущею торговлею. Ерецейръ извлекъ свое отечество изъ нищеты, въ которую оно было повергнуто открытіемъ Америки: онъ акклиматизировалъ въ немъ при помощи тарифа суконную фабрикацію. По смерти его, искусный англійскій дипломатъ Метуэнъ въ 1703 году убѣдилъ Португальское правительство отказаться отъ системы покровительственной для обоюднаго счастья обѣихъ націй. Сношенія между Португаліей и Англіей возвратились къ естественному порядку. Остальное извѣстно: общественные доходы и даже почва Португаліи находятся въ залогъ у Англій. Вотъ какія выгоды предоставляетъ эта система для торговли бѣдныхъ націй! Другой примѣръ еще недавно подтвердилъ вѣковую истину. Техасъ въ 1835 году отдѣлился отъ Мексики, образовавшись въ независимое государство; имѣя значительный долгъ и лишенный всѣхъ источниковъ доходовъ, онъ занялъ у самыхъ зажиточныхъ своихъ гражданъ суммы, необходимыя для поддержанія своего правленія. Но эти суммы въ скоромъ времени не обезпечивались уже стоимостью его національныхъ владѣній; займодавцы, заботившіеся болѣе

о возвращеніи своего капитала, чѣмъ о сохраненіи національной независимости, завладѣли залогомъ, предоставленнымъ имъ и назначили его въ продажу. залогомъ была территорія Техаса; покушникомъ явился богатый сосѣдъ, и такимъ-то образомъ Техасъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ независимости, былъ присоединенъ къ Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Таковы и вездѣ послѣдствія свободной торговли между двумя государствами: сильнѣйшее наконецъ не только уничтожаетъ торговую свободу слабѣйшаго, но и принудить его уступить свои владѣнія, свои доходы и даже національность.

Безполезно отыскивать новыя доказательства; ясно, что стало бы съ свободой торговли въ первомъ случаѣ нашей гипотезы, т. е. если бы свободная торговля существовала съ самаго основанія государствъ повсемѣстно и вѣчно. Какъ частные люди, такъ и государства, всѣ были бы при этомъ, или какъ производители или какъ потребители, принесены въ жертву монополіи. Необходимо еще одно объясненіе: говорятъ, что при этой системѣ торговцы, то есть частные люди, занимающіеся торговлею, пользовались бы полною свободою, нынѣ стѣсненною таможенями. Если бы даже возраженіе это и было основательно, то оно не могло бы нарушить важности выведенныхъ нами результатовъ. Если бы даже и было справедливо, что торговецъ воспользовался бы системой, которая разорила бы, къ выгодѣ монополіи одного народа, свободу производительности, потребленія и торговли въ остальномъ мірѣ, то конечно это еще недостаточная причина, чтобы сожалѣть о системѣ свободной торговли. Свобода торговли дороже, чѣмъ мнимое право все дѣлать, право, котораго требуютъ для торговцевъ. Но справедливо и то, чтобы свободная торговля была выгодна для торговца. При такой системѣ было бы меньше торговцевъ, потому что было бы менѣе торговли, а торговли было бы менѣе, потому что производительность, стѣсненная во всѣхъ странахъ міра монополіей одного народа, дала бы менѣе продуктовъ, а слѣдовательно было бы и менѣе предметовъ мѣны. Это также несомнѣнно доказывается исторіей. Неоспоримо, что со

времени учрежденія таможенъ появилось въ мірѣ болѣе торговцевъ, чѣмъ когда-либо, и это потому, что таможни, умноживъ мануфактуры, умножили и количество продуктовъ, а слѣдовательно и предметовъ мѣны. Кромѣ того, если бы даже нѣкоторыя удобства торговца и могли пострадать отъ таможенъ, то, собственно, свобода его не страдаетъ нисколько. Лучшее доказательство тому есть исполинскіе успѣхи соперничества въ послѣдніе два вѣка.

Переходимъ теперь ко второму случаю нашей гипотезы: таможни существуютъ, и въ какую-либо эпоху исторіи предлагаютъ уничтожить ихъ для блага свободы торговли. Послѣ всего сказаннаго, нѣтъ надобности долго останавливаться на разборѣ этого случая. Такъ какъ народы всегда неравны между собою, и во всѣ возможные времена всегда одинъ народъ богаче и могущественнѣе другихъ, то революція, которая уничтожила бы таможни во всемъ мірѣ, кромѣ другихъ бѣдственныхыхъ послѣдствій, разорила бы еще во всѣхъ государствахъ тѣ промышленности, которыя создались и процвѣтаютъ подъ покровительствомъ таможенъ. Пусть судитъ каждый, что произошло бы изъ этого съ свободой труда и размѣна на всемъ земномъ шарѣ.

Этимъ можно бы окончить изслѣдованія вліянія системы Либрѣ-Эшанжистовъ на свободу торговли; но вотъ еще послѣднее замѣчаніе, на которое нелишне обратить вниманіе читателя.

Справедливо замѣчено, что отличительная черта рабства есть однообразіе. Всякая тиранія, дѣйствительно, хочетъ властвовать одинаково во всѣхъ концахъ своихъ владѣній, а для того необходимо, чтобы нигдѣ неравенство не нарушало единства всеобщаго повиновенія. Торговый деспотизмъ, осуществляемый системою свободной торговли, отличается тѣмъ же, чѣмъ и деспотизмъ религіозный, политическій и т. д.; онъ любитъ однообразіе. Такимъ образомъ онъ предполагаетъ подчинить весь міръ, вопреки безкочному различію страстей, правовъ и даже нуждъ, невыносимому угнетенію одного и того же экономи-

ческаго правила. Таковъ въ сущности духъ этой, такъ называемой, всемірной торговли республики, которая если бы осуществилась къ гибели челоуѣчества, то стала бы пригонять по одной мѣрѣ и укорочивать условіе существованія, способности, нужды, и дѣятельность всѣхъ народовъ. Напрасно міръ остается неспособнымъ къ неподвижности; тщетно раздѣленъ онъ на народы, неравно одаренные природою, неравно помѣщенные ею и неравно просвѣщенные, на народы, интересы коихъ рѣдко общіе, зависятъ отъ тысячи различныхъ причинъ, безпрестанно измѣняющихся. Что все это значитъ для тираніи системы свободной торговли: она распространяетъ единство своего неподвижнаго ига на это безчисленное разнообразіе и на эту безконечную подвижность. Народы континентальные и островитяне земледѣльческіе и промышленные, отставшіе или достигшіе до высшаго образованія, живущіе въ жаркомъ поясѣ или холодномъ, владѣющіе обширнѣйшей или самой незначительною территоріею, окруженные сосѣдями или сокрытые въ глубинѣ пустынь, одаренные торговыми способностями или талантами для искусствъ, — свободная торговля провозглашаетъ для всѣхъ одно правило, правило единственное, которому они всѣ обязаны слѣдовать, вредно ли оно или полезно для нихъ, обогащаетъ ли оно ихъ или разоряетъ. Дѣйствительно, чудное средство обезпечить для каждаго народа свободу его труда и свободу потребленія его произведеній. Сравните эту бессмысленную и гибельную систему съ безчисленными средствами системы покровительственной. Эта послѣдняя также различна и измѣняема, какъ и самый міръ; она, такъ сказать, отражаетъ на себѣ нужды всѣхъ временъ и всѣхъ территорій. Здѣсь, напримѣръ, въ данное время подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ нуждъ таможенныя постановленія могутъ возвыситься почти до запретительныхъ; прекратись или измѣнись эта нужда, и тѣ же самыя постановленія превращаются чисто въ фискальныя. Торговая свобода народовъ во всѣ періоды своего существованія находитъ опору въ таможахъ: въ началѣ онѣ суть единственныя хранилища ея, потомъ онѣ поддер-

живають ее, наконецъ служатъ для ея развитія. Дѣйствительно, подвижная защита, которою онѣ прикрываютъ промышленность народовъ, можетъ уменьшаться или возвышаться, смотря по требованіямъ малѣйшихъ и самыхъ случайныхъ нуждъ этой промышленности. Какое отличное орудіе въ рукахъ искуснаго государственнаго человѣка для охраненія и развитія свободы всемірной! И это-то орудіе ломаютъ поборники системы свободной торговли всѣхъ народовъ, пытаются уничтожить, и для чего? Чтобы замѣнить его, подъ привлекательнымъ именемъ республики, такимъ правиломъ, при которомъ ни одна нація не въ состояніи была бы свободно распоряжаться своей судьбою, ни располагать своими способностями.

ГЛАВА V.

О вліяніи системы свободной торговли на благосостояніе міра.

Употребленіе метафоръ всегда опасно. Это источникъ ложныхъ разсужденій, которыми легко увлечься; авторы пышныхъ сравненій первые восторгаются ими и дурбѣютъ отъ шума собственныхъ словъ, привыкая не обращать вниманія на смыслъ ихъ. Такимъ-то вычурнымъ языкомъ наполнены сочиненія современныхъ экономистовъ; въ нихъ только и словъ, что о всемірной торговой республикѣ, о братскомъ союзѣ народовъ, о рыночныхъ цѣнахъ и проч.; въ нихъ есть всѣ поэтическія изреченія, не выражающія ничего дѣйствительнаго и однако столь часто повторяемыя, какъ выраженія непреложной истины. Благоденствіе міра есть одно изъ такихъ звучныхъ и пустыхъ выраженій, которымъ поборники свободной торговли наиболѣе злоупотребляютъ. Когда кто-либо незнакомый съ тонкостями этой школы обращается къ нимъ за разрѣшеніемъ самыхъ очевидныхъ трудностей ихъ системы, они всегда съ важностью возражаютъ: благоденствіе міра. Благоденствіе міра! это должно прекращать всѣ споры и отвѣчаетъ на все подобно тому философу Вольтера, который на вопросъ: «что такое душа?» отвѣчалъ: «c'est une entéléchie», нисколько не объяснивъ своимъ слушателямъ, да и самъ не понимая, что такое отвѣчалъ. Мы нѣсколько менѣе скромны и болѣе любопытны. Мы стараемся по возможности понять какъ собственные слова, такъ и чужія. Система свободной торговли, какъ увѣряютъ, была бы неисчерпаемымъ источникомъ благосостоянія для всего міра. Но что такое во первыхъ благосостояніе міра?

Очевидно, что это есть что-то неотдѣленное отъ богатства и благосостоянія каждаго изъ государствъ, составляющихъ міръ,

или по крайней мѣрѣ, бѣльшей части ихъ; ибо богатство и благоденствіе цѣлаго не можетъ составиться изъ бѣдности и нищеты частей. Вопросъ: обогатила ли бы эта система весь міръ, приводится слѣдовательно къ тому, большее ли бы число народовъ при этой системѣ могло увеличить свой трудъ, свою торговлю, свои средства и продукты, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе. Разсмотримъ это.

Если бы система свободной торговли когда-либо восторжествовала, то всѣ народы пришли бы скоро къ естественнымъ средствамъ ихъ почвы и климата, чрезвычайно неравнымъ смотря по широтѣ, географическому положенію и т. п., и благосостояніе ихъ вмѣсто выигрыша, при такой системѣ, жестоко пострадало бы. Весь міръ, т. е. собраніе всѣхъ народовъ, живущихъ на земномъ шарѣ, пострадалъ бы въ двухъ главныхъ источникахъ своей производительности и своего существованія — въ промышленности и земледѣліи. Первая не могла бы развиться даже у народовъ, одаренныхъ въ высшей степени способностями къ промышленности; второе едва прозябало бы въ самыхъ счастливыхъ климатахъ и гложло или уничтожалось бы вовсе въ странахъ менѣе благословенныхъ. Что же касается до окончательнаго результата, то онъ былъ бы совершенно противоположенъ тому, который предрекаютъ послѣдователи системы свободной торговли.

Если обратимъ вниманіе на исторію народовъ, то увидимъ, что изъ нихъ живущіе въ умѣренномъ поясѣ, т. е. тѣ, которые наименѣе одарены естественными продуктами, сдѣлали наибольшіе успѣхи въ промышленности. Европа, столь скудная по природѣ въ сравненіи съ Азіей и Америкой и не имѣвшая первоначально ни хлопка, ни шелка, ни лучшей породы овецъ, ни отличныхъ лошадей, ни драгоценныхъ металловъ и т. п. есть однако счастливѣйшая часть свѣта. Она достигла этого своими способностями и своей дѣятельностью, вопреки свойствамъ почвы и климата, пріобрѣтя себѣ богатства промышленныя, которыя, если не превосходятъ, то по крайней мѣрѣ равны богатствамъ естественнымъ.

Эти послѣднія богатства, по крайней мѣрѣ, равны первымъ, ибо мануфактуры суть не только цѣнности мѣновыя, но и орудія производительныя. Когда какое-либо правительство усваиваетъ своей странѣ ту или другую промышленность, то пріобрѣтаетъ чрезъ то не только извѣстное количество богатства, — точно также, какъ если бы оно получило изъ-за границы какіе-либо первые матеріалы или предметы продовольствія, — но и водворяетъ въ странѣ новый источникъ богатства. Дѣйствительно, эта промышленность усвоившись увеличиваетъ естественныя богатства государства, и въ то же время поставяетъ постоянную производительную силу, что гораздо важнѣе переходящаго богатства. Что система свободной торговли помѣшала бы этому перенесенію промышленныхъ отъ извѣстныхъ народовъ, у коихъ онѣ процвѣтаютъ и представляютъ самые обильные источники общественнаго благосостоянія — этого, кажется, нѣтъ надобности и доказывать.

Предположимъ систему свободной торговли осуществленною: какимъ образомъ европейскіе народы успѣли бы довести до одинаковой степени совершенства самыя важныя промышленности: шерстяную, хлопчатобумажную, желѣзную, шелковую, хрустальную, кружевную и т. д.? Англія, Франція, Германія, Россія и Америка владѣютъ нынѣ всѣми этими промышленностями, сдѣлавшимися самыми обильными источниками ихъ торговли, достатка и благоденствія. Безъ таможенъ, позволившихъ Англіи и Франціи учредить у себя эти фабрики, все было бы иначе; различныя промышленности остались бы вѣчно тамъ, гдѣ онѣ естественно или случайно появились въ первый разъ; соперничество мѣшало бы другимъ націямъ усвоить ихъ себѣ. Послѣдствія очевидны. вмѣсто того, чтобы изобиловать мануфактурами, Европа, исключая одного или двухъ государствъ, была бы совершенно лишена ихъ. Имѣя менѣе производительныхъ средствъ, она занимала бы меньшее число рабочихъ; собирала бы менѣе капиталовъ, получала и распредѣляла бы ежегодно менѣе продуктовъ. Спрашивается, при такой системѣ — которая и есть система свободной торговли — что вы-

играло бы благосостояніе міра? Развѣ докажутъ, что распространеніе промышленности и увеличеніе всѣхъ источниковъ труда, производительности и торговли у всѣхъ народовъ вмѣстѣ были для нихъ причиною разоренія; иначе никакъ нельзя понять, какимъ образомъ свободная торговля увеличила бы богатство и всеобщее благоденствіе; ясно, напротивъ, что она парализировала бы лучшее орудіе этого благосостоянія и богатства.

Положимъ теперь, что заблужденіе, въ которое впади народы, обогащаясь промышленностями съ помощію таможенъ, исправлено, и свѣтъ свободной торговли озаряетъ землю. Вотъ что произошло бы тогда въ короткое время: государства, у которыхъ промышленность процвѣтаетъ и можетъ процвѣтать только при помощи тарифовъ, увидѣли бы промышленности свои разоренными соперничествомъ сильнѣйшаго. Дѣйствительно, народы въ торговлѣ поступаютъ точно также, какъ и простые торговцы: и у нихъ, какъ и у купцовъ, одна и та же цѣль — отбить покупателя отъ своего соперника.

Уничтожьте таможи, допускающія слабѣйшаго соперничать съ сильнѣйшимъ, послѣдній, очевидно, скоро останется одинъ, и очевиднымъ результатомъ этого торжества ученія свободной торговли будетъ разореніе трехъ четвертей существующихъ промышленностей. Нѣтъ народа, который не потерялъ бы при этомъ какой-либо промышленности. Не одной лишилась бы Англія; Франція едва удержала бы двѣ, три; Германія, Россія и Америка скоро простились бы со всѣми. Что выиграло бы благосостояніе міра отъ этого ужаснаго разоренія, невозможно и исчислить.

Наконецъ система свободной торговли не только разорила бы мануфактуры, существующія у бѣльшей части народовъ, но внося духъ разоренія даже въ будущность націй, помѣшала бы учреждаться новымъ промышленностямъ и накапливаться всемірному промышленному капиталу. Дѣйствительно, въ наше время есть еще народы, которые только начинаютъ обращаться къ промышленности, есть и такіе, которые объ этомъ еще и не думаютъ; но и тѣ и другіе, если имъ оставлена возможность

оградить себя въ известное время тарифами, могутъ надѣяться со временемъ занять въ промышленномъ мѣсто, достойное по ихъ способностямъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, Россія, можетъ быть, достигнетъ усвоенія себѣ промышленности шелковой и нѣкоторыхъ предметовъ роскоши; такимъ же образомъ Америка, безъ сомнѣнія, достигнетъ учрежденія хлопчатобумажныхъ ткацкихъ фабрикъ, которыя въ состояніи будутъ соперничать съ мануфактурами всего міра. Что же касается до народовъ, не появившихся еще на промышленномъ поприщѣ и могущихъ со временемъ играть на немъ высшую роль, то можно упомянуть при этомъ объ Испаніи. Пусть пробудится отъ усыпленія эта благородная нація и примется за разработку своихъ богатыхъ рудниковъ каменнаго угля и металловъ, и, дабы заводы ея въ самомъ началѣ не уничтожены были иностраннымъ соперничествомъ, пусть защититъ ихъ таможенными пошлинами,—и въ Европѣ прибавится еще одна промышленная нація. При свободной же торговлѣ это невозможно, все тутъ дѣлается наоборотъ; и, ограничиваясь приведенными примѣрами, вотъ что стало бы съ возраждающимся промышленнымъ могуществомъ Америки и Россіи и съ будущимъ Испаніи: первое пало бы предъ соперничествомъ иностранцевъ, второе осталось бы навсегда въ области мечтаній.

Вотъ что сдѣлала бы свободная торговля съ промышленностью бѣльшей части народовъ, а слѣдовательно и съ обильнѣйшимъ источникомъ ихъ благосостоянія, если бы она стала необходимымъ правиломъ всемірной торговли.

Но посмотримъ, что произошло бы при системѣ свободной торговли съ другимъ великимъ источникомъ продовольствія и благоденствія челоѣчества—съ земледѣліемъ? Она парализировала бы и этотъ источникъ, лишивъ его въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно могло бы наиболѣе процвѣтать, самыхъ дѣятельныхъ и вѣрныхъ средствъ развитія. Это легко объяснить себѣ.

Всѣ наблюденія согласны въ томъ, что благосостояніе промышленности имѣетъ вліяніе на благосостояніе земледѣлія. Страна земледѣльческая не достигнетъ никогда до такого со-

вершенства, какъ страна земледѣльская и въ то же время промышленная. Мануфактуры, привлекая въ страну народонаселеніе, никогда бы можетъ быть безъ того не явившееся, необходимо вызываютъ вокругъ себя многочисленныя работы земледѣльскія. Земли, до того времени безплодныя, воздѣлываются; поля, прежде дурно обработанныя, улучшаются. Промышленное народонаселеніе, появившееся въ странѣ, есть единственная причина этого счастливаго переворота. Нужды его вызываютъ бѣольшую производительность земледѣльскихъ продуктовъ, не имѣвшихъ прежде сбыта. Такимъ образомъ скоро измѣняется характеръ цѣлой страны. Земледѣлецъ, получая бѣольшій доходъ съ своего поля и отъ своего труда, видитъ возрастаніе цѣнности своихъ продуктовъ, своей земли и значенія своего капитала. Пригоняется скотъ на тѣ мѣста, гдѣ земля была безплодна, и вырванная изъ своего безплодія нуждами промышленности, эта пустыня представляетъ наконецъ хлѣбородныя поля, виноградники, луга, и т. п. Вотъ тѣ чудныя послѣдствія, которыя производитъ промышленность на земледѣліе. Доказательства тому многочисленны. Изъ тысячи ихъ довольно взять два. Англія нѣкогда была такою безплодною пустынею, едва покрытою тонкимъ слоемъ перегноя. Въ ней учредились мануфактуры, и ея земледѣліе стало лучшимъ во всемъ мѣрѣ. Сборъ хлѣба въ Англіи простирается нынѣ до 22-хъ гектолитровъ съ гектара (*). Однѣ тучныя долины Ломбардіи въ состояніи соперничать съ такимъ сборомъ. Во Франціи земля даетъ среднимъ числомъ 12¹/₂ гектолитровъ. Другой примѣръ, хотя и не столь поразительный, но за то у всѣхъ на глазахъ. Долина Крезе во Франціи была шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ безплодною и пустынною. Въ ней учреждаются минныя разработки и желѣзный промыселъ, является населеніе въ 7 и 8 тысячъ душъ. Это народонаселеніе, занятое тяжкою работою, требуетъ сильнаго поддержанія своихъ силъ. Тотчасъ сосѣдніе земледѣльцы прини-

(*) Гектаръ = $\frac{9}{10}$ десятины, гектолитръ = 3,8113 четверика.

маются за дѣло и обогащаются. Одни владѣльцы виноградниковъ сбываютъ нынѣ въ Creusot ежегодно до 24,000 гектолитровъ своихъ произведеній. Можно бы привести безчисленное множество подобныхъ примѣровъ.

При системѣ свободной торговли, очевидно, такихъ измѣненій въ большей части свѣта не было бы, или же они прекратились бы. Безъ таможенъ въ большей части государствъ не бываетъ мануфактуръ, безъ мануфактуръ нѣтъ густаго населенія, а слѣдовательно и нѣтъ усиленія требованій на предметы земледѣлія и т. д. Однимъ словомъ, ударъ, поражающій мануфактуриста, обрушивается гибельно и на земледѣльца; ибо когда первый не потребляетъ, второй не имѣетъ выгоды производить.

Таково вліяніе свободной торговли на второй изъ главныхъ источниковъ всемірнаго благоденствія.

И на опытѣ и въ теоріи все это такъ просто и ясно, что становится какъ-то не ловко, когда приходится доказывать это.

Однако необходимо упомянуть, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, объ особенномъ возраженіи, предлагаемомъ поборниками свободной торговли. Это возраженіе, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, есть ихъ послѣднее убѣжище. Какъ оно ни ничтожно, рассмотримъ его: систематикамъ не должно никогда оставлять возможности сказать, что они не были выслушаны до конца.

Пользуясь всѣмъ, чѣмъ только можно, поборники школы свободной торговли призвали на помощь своей системѣ священный интересъ улучшенія судьбы бѣдныхъ классовъ.

Конечно, говорятъ они, никто не можетъ отрицать огромныхъ выгодъ, которыя произошли бы для деревенскаго и городскаго рабочаго населенія отъ свободнаго обращенія по всему земному шару жизненныхъ продуктовъ, необходимыхъ для ихъ продовольствія, каковы: хлѣбъ и мясо, или первыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для ихъ работы, каковы: каменный уголь, желѣзо, пенька, ленъ и т. д. Если уже непременно хотятъ насильно охранять мануфактуры народовъ слабыхъ, то пусть позволяютъ этимъ мануфактурамъ безпрепятственно до-

бывают повсюду первые материалы, безъ которыхъ они не могутъ дѣйствовать; пусть въ особенности допустятъ бѣдныя семейства искать безпрепятственно во всемъ мѣрѣ удовлетворенія своихъ нуждъ и т. д. За тѣмъ слѣдуетъ велерѣчіе, въ которомъ цѣлыми томами изливаются потоки словоохотливаго челоуѣколюбія.

Оставимъ въ сторонѣ эти фоліанты и посмотримъ на аргументы. Подобныя разсужденія односторонни, какъ всѣ вообще разсужденія, которыя появляются вслѣдствіе челоуѣколюбія; но они притомъ и ложны. вмѣсто того, чтобы выиграть при системѣ свободной торговли, продовольствіе и трудъ бѣдныхъ лишились бы при этомъ вѣрнѣйшихъ обезпеченій дешевизны необходимыхъ имъ предметовъ.

Естественное и случайное неравенство націй не менѣе чувствительно и въ земледѣліи, какъ и въ промышленности. Одно государство изобилуетъ зерновыми хлѣбами и скотомъ, другое едва находитъ на своей почвѣ, чѣмъ удовлетворить нуждамъ своихъ жителей. Изъ этого слѣдуетъ, что земледѣліе бѣдныхъ народовъ для сохраненія дешевизны его произведеній нуждается въ такомъ же покровительствѣ, какъ и промышленность. Причина состоитъ въ томъ, что при системѣ свободной торговли народы, живущіе на плодородныхъ земляхъ, неодолимымъ соперничествомъ своимъ разорили бы народы, поселившіеся на неблагоприятной почвѣ. Изъ этого проистекли бы два слѣдствія, равно гибельныя изобилію и дешевизнѣ предметовъ продовольствія: первое то, что бѣдные народы, не имѣя возможности производить, доставляли бы меньшее количество продуктовъ на общіе рынки; второе то, что это относительное уменьшеніе количества привозимыхъ продуктовъ, сочетавшись съ неизбѣжными насиліями монополіи, произвело бы дороговизну.

Нужно ли облекать въ примѣръ эти логическія разсужденія? Кто не видитъ въ наше время, что если бы система свободной торговли осуществилась; то Россія, на примѣръ, и Соединенные Штаты захватили бы въ свои руки исключительное право производить и продавать зерновой хлѣбъ? Земле-

дѣліе другихъ государствъ было бы разорено. Вездѣ воздѣлываніе хлѣбовъ замѣнилось бы воздѣлываніемъ виноградника, тутовыхъ деревьевъ, кормовыхъ травъ, масличныхъ и красильныхъ растеній и т. п. Конечнымъ результатомъ было бы то, что хлѣба производилось бы вообще менѣе, и вмѣсто двадцати продавцовъ онъ былъ бы въ рукахъ одного или двухъ. Отличное средство имѣть дешевой хлѣбъ! Тоже было бы и съ мясомъ: чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно вспомнить, что нѣтъ нигдѣ большаго скотоводства безъ обширнаго земледѣлія, а обширнаго земледѣлія безъ значительнаго воздѣлыванія зерновыхъ хлѣбовъ.

Что же касается до первыхъ матеріаловъ, до каменнаго угля, хлопка и т. д., то искать увеличенія производительности ихъ и уменьшенія цѣны на нихъ въ свободной торговлѣ, все равно, что искать предметовъ продовольствія, дешевизны и изобилія у неизбѣжныхъ причинъ ихъ дороговизны и рѣдкости. Первые матеріалы всегда дороже тамъ, гдѣ монополія ихъ въ рукахъ одного продавца. Доставьте народамъ, богато одареннымъ каменнымъ углемъ, желѣзомъ, льномъ и т. д., свободный доступъ къ народамъ, имѣющимъ эти предметы въ небольшомъ количествѣ, которые однако поддерживаютъ соперничество и мѣшаютъ возвышенію цѣнъ,—и тотчасъ болѣе бѣдные народы будутъ разорены, а богатые овладѣютъ монополіей. Первые матеріалы не увеличатся тогда въ количествѣ, ибо источниковъ производительности будетъ тогда менѣе, и не понизятся въ цѣнѣ, потому что количество ихъ будетъ менѣе, а владѣющіе ими останутся безъ соперниковъ.

И такъ ясно, что система свободной торговли столь же обманчива въ своихъ обѣщаніяхъ благоденствія, какъ и въ обѣщаніяхъ свободы.

Въ случаѣ осуществленія ея при самомъ началѣ образованія государствъ, она разорила бы міръ, предоставивъ его безопасности народовъ юга и безсилію народовъ сѣвера. Первые, изнѣженные своимъ климатомъ, требовали бы отъ почвы количества продуктовъ, потребнаго только для ихъ собственнаго

продовольствія: въ наше время это доказывается примѣромъ южной Америки и многихъ странъ южной Европы; вторые, одаренные бѣльшей физической и нравственной энергіей, не могли бы аклиматизировать у себя продуктовъ болѣе счастливыхъ странъ. Все бы прозябало въ вѣчномъ стѣсненіи. Вотъ то эльдорадо, куда ввела бы насъ эта система.

Она и теперь предлагаетъ намъ это; только теперь она требуетъ для того еще предварительнаго разоренія почти всѣхъ народовъ, достигшихъ при помощи таможенъ значительнаго земледѣльческаго и промышленнаго богатства. Если ей удастся соблазнить міръ, то должно сознаться, что она владѣетъ магическимъ даромъ убѣжденія; но въ такомъ случаѣ здравый смыслъ помочь уже не въ состояніи!

ГЛАВА VI.

Благопріятствуетъ ли система свободной торговли просвѣщенію?

Приступаемъ къ разсмотрѣнію послѣдняго самаго удивительнаго результата, обѣщаемаго системою свободной торговли. Мы видѣли, какъ поборники этого ученія увѣряли, что оно откроетъ новую эру свободъ торговли народовъ и новые, неизвѣстные доселѣ, источники ихъ благосостоянія; но послѣднее увѣреніе ихъ превосходитъ всѣ прежнія: они обѣщаютъ обновленіе и распространеніе просвѣщенія.

Мы имѣли случай показать вообще странность понятій ихъ объ этомъ предметѣ; не мѣшаетъ однако объяснить ихъ теперь съ болѣею подробностію, а за тѣмъ уже приступить къ окончательному ихъ обсужденію.

Отличительный характеръ рода человѣческаго есть общежитіе. Человѣкъ, какъ говоритъ отецъ логики и естественной исторіи, есть животное общежительное. Самыя высшія породы другихъ животныхъ на землѣ довольствуются жизнью стадами. Одинъ человѣкъ всегда стремится къ жизни въ общинѣ. Повинуясь этому-то инстинкту, началу всякаго просвѣщенія, люди, едва размножились, уже образовали народы; это было большое торжество надъ первоначальнымъ варварствомъ, великій шагъ на пути совершенствованія, первая значительная уступка тому общежительному духу, который есть какъ бы душа всего человѣчества.

Но неужели это былъ послѣдній шагъ? Неужели этимъ только надо было довольствоваться? Увы! говорятъ поборники свободной торговли, такъ думало человѣчество въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Всѣмъ извѣстно, что отъ того произошло.

Люди поселились, такъ сказать, клочками на пространствѣ всего земнаго шара; они завладѣли извѣстными областями съ природными границами; замкнулись въ этихъ областяхъ, назвавъ ихъ своимъ отечествомъ, и привыкли смотрѣть на землю своихъ сосѣдей, какъ на владѣнія непріятельскія. Такимъ образомъ они самовольно стали непріятелями. Земля покрылась наконецъ, какъ видимъ нынѣ, народами эгоистическими, враждебными между собою, и взаимная зависть ихъ упрочила самое ужасное изъ обычаевъ варварства—войну.

Послѣдователи системы свободной торговли хотятъ вырвать челоѳчество изъ этого состоянія несовершеннаго или, такъ сказать, средняго между просвѣщеніемъ и варварствомъ. Полезный самъ по себѣ и для смягченія нравовъ, и для успѣховъ просвѣщенія духъ патріотизма нынѣ, по ихъ мнѣнію, служитъ только препятствіемъ тому и другому. Они предлагаютъ уничтожить его и для сего начать съ уничтоженія національности торговой, этого основанія національности политической. Они возвысятъ тогда просвѣщеніе. Духъ меркантильной зависти, который такъ долго раздѣлялъ міръ, будетъ замѣненъ ими мало по малу, съ уничтоженіемъ таможенъ, духомъ братства, который сблизитъ и соединитъ наконецъ всѣ народы въ одно общество, или, лучше сказать, въ одно семейство. Всѣ народы будутъ братьями, и связанные съ того времени цѣпью вѣчнаго и повсемѣстнаго мира образуютъ одно огромное общество народовъ. Не будетъ болѣе таможенъ, не будетъ отдѣльныхъ государствъ, не станетъ отечества! Народы, бросьтесь другъ къ другу въ объятія и образуйте тогда священный союзъ! Трогательныя мечты, сладкія и благородныя чувства! Они должны были очаровать нѣжныя и великодушныя сердца. Система свободной торговли въ этомъ нашла для себя источникъ самаго пламеннаго сочувствія, самой громкой славы. Но на сколько справедлива эта слава?

Чтобы быть принятымъ на дѣлѣ, ученію недостаточно только обѣщать совершенное счастье. Горькій опытъ научаетъ насъ быть осторожными. Сколько системъ, нынѣ отнесенныхъ уже

въ разрядъ мечтаній или оставившихъ только воспоминаніе о страшныхъ заблужденіяхъ, также привлекали всѣхъ обѣщаніемъ золотаго вѣка! Мечтать о полномъ счастіи весьма легко, но какъ трудно осуществить и малѣйшее благо! Поборники свободной торговли, истощивъ всѣ доводы, чтобы завлечь насъ, выпускаютъ наконецъ цѣлую вереницу блестящихъ идей. Но если воображеніе и можетъ увлечься этимъ зрѣлищемъ, то не такъ легко соблазнить здравый разумъ; самая великолѣпная идеологія не имѣетъ никакой силы, если искажаетъ истину и издѣвается надъ законами природы.

Либрѣ-эшанжисты выставляютъ братство народовъ, какъ двигатель просвѣщенія. Мысль единственная, но, къ несчастію, она имѣетъ противъ себя огромное предубѣжденіе въ исторіи. Не братство народовъ было съ основанія рода человѣческаго душою успѣховъ, а соперничество и зависть ихъ.

Поборники свободной торговли не пугаются однако этого возраженія. Что за дѣло, отвѣчаютъ они, что міръ до сихъ поръ шель съ запада на востокъ? Изъ того, что Іудейство съ его эгоистическимъ, завистливымъ духомъ было слишкомъ долго основаніемъ для всеобщей торговли, нельзя заключать, чтобы такой порядокъ остался навсегда, какъ будто болѣе кроткій духъ закона помилованія не можетъ наслѣдовать неумолимымъ правиламъ эпохи жертвоприношеній и прообразованій!

Мы, неосвященные свѣтомъ новаго ученія—признаемся—нѣсколько болѣе осторожны. Сорокъ вѣковъ непрерывной борьбы между народами удивляютъ насъ. Это движеніе, столь постоянное въ исторіи народовъ, не есть дѣло рукъ человѣческихъ; тутъ видимъ волю Провидѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что безразсудно вообще пренебрегать всѣми преданіями человѣчества; не лучше ли изучить эти преданія и стараться понять ихъ?

Чему обязаны своимъ происхожденіемъ народы, которыхъ самостоятельность хотятъ уничтожить, нападая съ неподражаемымъ искусствомъ на главное основаніе ихъ существованія, на ихъ торговую независимость? Они обязаны своимъ проис-

хожденіемъ причинѣ неизбѣжной, необходимость которой заставляеть невольно призадуматься.

Эта причина, съ такою простотою высказанная въ древнихъ повѣствованіяхъ о Ноѣ, раздѣлившемъ землю между тремя сыновьями, о царѣ Вавилонскомъ, видѣвшемъ, какъ Самъ Господь воспрепятствовалъ его безумному предпріятію соединить людей въ одно общество, — эта причина заключается въ невозможности для человѣческаго рода жить въ одной странѣ міра и въ необходимости разсѣяться по всей землѣ, чтобы основать различныя общества. Эта первоначальная причина раздѣленія всего человѣчества на народы заключала, кромѣ того, въ зародышѣ своемъ два великія послѣдствія, на которыя поборники свободной торговли не обращаютъ никакого вниманія. Первое изъ этихъ послѣдствій есть всевозрастающее воздѣлываніе и повсемѣстное заселеніе земель; второе, еще болѣе важное, заключается въ разнообразномъ развитіи ума, нравовъ и назначенія человѣчества.

Еслибы люди по необходимости составили одно общество, то они имѣли бы одни и тѣже добродѣтели и пороки. Разсѣявшись по всему земному шару, они восприняли, по прекрасному выраженію Бюффона, цвѣта всѣхъ климатовъ. Изъ сего произошло безконечное различіе въ способностяхъ, обычаяхъ, привычкахъ и т. д., чрезвычайно выгодное для всеобщаго совершенствованія. Просвѣщеніе всюду начало распространяться. Двадцать народовъ, столь же различныхъ по языку и умственнымъ способностямъ, какъ и по почвѣ и климату своихъ странъ, быстро устремились къ одной и тойже цѣли. Борьба иногда весьма жестокая, но всегда плодотворная, возгорѣлась между этими народами, и чѣмъ болѣе разгоралась эта борьба, тѣмъ болѣе укрѣплялось и возвышалось просвѣщеніе матеріальное, умственное и нравственное.

Торговля была самымъ плодотворнымъ полемъ битвы. По мѣрѣ того, какъ торговая борьба между народами становилась дѣятельнѣе, міръ болѣе и болѣе обогащался и образовывался. Всемирныя лѣтописи представляютъ тому достовѣрныя свидѣ-

тельства. Не приводя ихъ, достаточно замѣтить, какими исполненными шагами шла Европа на пути всеобщаго просвѣщенія со времени гибели монополіи Голландіи и постепеннаго появленія различныхъ западныхъ и сѣверныхъ народовъ на поприщѣ торговаго соперничества, торговой зависти. Что же дѣлаютъ поборники свободной торговли, предлагая задушить эту зависть, разорить это соперничество (дѣлая его невозможнымъ при уничтоженіи таможенъ)? Они сокрушаютъ самый сильный двигатель человѣческой дѣятельности, самое могущественное орудіе, которому человечество обязано своими успѣхами.

Эти столь простыя соображенія должны были бы заставить призадуматься людей мыслящихъ; но ослѣпленіе новой системы уничтожаетъ всякое размышленіе. Человѣкъ, разъ продавшій свой здравый смыслъ извѣстной системѣ, только и бредитъ уже этою системою, вся исторія для него ничто; все совершенное человечествомъ до сего времени для него не имѣетъ никакого значенія; единственное, на что можно еще надѣяться отъ него, это небольшая уступка, что прошедшее имѣло свои причины существованія.

Очень можетъ быть, скажетъ послѣдователь ученія свободной торговли, что соперничество, зависть, борьба и всѣ порожденные ими преступленія и несчастія, дѣйствительно были первымъ двигателемъ просвѣщенія; очень можетъ быть, что человечество должно было въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ идти къ просвѣщенію и счастію съ кинжаломъ и факеломъ въ рукѣ; но нынѣ желѣзный вѣкъ, кажется, уже миновался, и будто снова занимается заря золотого! Дѣйствительно, когда большее число чудесъ возвѣщало его удивленному міру? Взгляните вокругъ себя: со всѣхъ сторонъ въ обоихъ полушаріяхъ, мысли, чувства, интересы, все совпадаетъ: не только познанія и вкусы, но и самая одежда и родъ пищи вездѣ одинаковы. Знаніе нѣсколькихъ языковъ становится дѣломъ весьма обыкновеннымъ; одни и тѣже нравы распространяются по всему земному шару. Салоны Парижа ничѣмъ не отличаются отъ салоновъ Вѣны, Лондона или С. Петербурга. Два чудныхъ новыхъ дѣла-

теля помогаютъ этому великому движенію, послѣдствія коего неисчислимы. Паръ и электричество стерли съ лица земли время и разстояніе. Каждый день новыя чудеса промышленности сближаютъ народы и, вопреки древнему предразсудку національности, бросаютъ ихъ во взаимныя объятія. И въ Европѣ уже начинаютъ смотрѣть на отдѣльныя націи, какъ на провинціи одного государства, которыя притомъ легче соединить въ одно общество, чѣмъ прежде Лотарингцевъ, Бургундовъ, Бретонцевъ и Басковъ въ одно тѣло политическое. Наконецъ вотъ и еще замѣчательная черта нашего времени: мы видимъ, что избранные ученые всѣхъ націй собираются періодически въ томъ или другомъ городѣ, для возвѣщенія въ своемъ торжественномъ конгрессѣ, что если вся исторія, увы! принадлежитъ войнѣ, то вся будущность свѣта принадлежитъ миру. Развѣ не поражаютъ эти факты? Неужели не хотятъ признать неизбежнаго водворенія вѣчнаго мира?

Такъ мечтаютъ пламенные умы, вѣрующіе въ близкое наступленіе золотого вѣка, такъ ораторствуютъ поборники системы свободной торговли. Представимъ же имъ одно возраженіе самаго обыденнаго здраваго смысла, въ отвѣтъ на всѣ эти волшебныя восклицанія, по истинѣ, очень походящія на какія-то неизданныя главы *тысячи и одной ночи*.

Насъ спрашиваютъ: не поражаютъ ли насъ замѣчаемые успѣхи всеобщаго сближенія народовъ? Правда, нравы все болѣе и болѣе смягчаются; но какъ объяснить, что удивительные успѣхи въ международныхъ сношеніяхъ совершаются при учрежденіи таможенномъ, все болѣе и болѣе завистливомъ, или, какъ называютъ его, жидовскомъ? Вотъ что странно и что трудно объяснить въ системѣ свободной торговли. Какъ! таможни изолируютъ народы, и это торговое уединеніе, которое почитается причиною вражды и ненависти, не мѣшаетъ однако народамъ все болѣе и болѣе сближаться въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, познаніяхъ, интересахъ и даже въ формѣ одежды! Все это весьма странно, но въ то же время несомнѣнно; къ чему же послѣ этого система свободной торговли, и какой же

смыслъ во всѣхъ нападкахъ ея на таможни? Если золотой вѣкъ приближается столь быстрыми шагами въ то время, когда покровительственная система наиболѣе распространена во всѣхъ государствахъ; то это уже неопровержимое доказательство того, что таможни нисколько не могутъ препятствовать наступленію золотато вѣка.

Наконецъ намъ намекають на чудныя открытія электричества и пара, придавшія легкость и быстроту сообщеніямъ. Что касается до вліянія, какое произвели эти открытія на духъ торговой и политической національности, то мы нисколько не замѣчаемъ, чтобы они были такими, какими ихъ представляютъ себѣ либръ-эшанжисты. Электричество и паръ въ рукахъ всѣхъ государствъ стали новымъ опаснымъ орудіемъ соперничества, борьбы, преобладанія и завоеванія. Правда, земля покрывается желѣзными дорогами и электрическими телеграфами, море пароходами. Но очевидно, что между прочимъ стремятся извлечь изъ этихъ новыхъ и могущественныхъ дѣятелей: Франція дѣлаетъ изъ нихъ наисильнѣйшее средство для достиженія своего національнаго единства, своего военнаго могущества, и для избавленія себя отъ трактатовъ, обрѣзавшихъ ея границы и отнявшихъ у ней колоніи; Англія требуетъ отъ пара и электричества тайны сохраненія своего морскаго и торговаго преобладанія; Австрія желѣзными дорогами и телеграфами упрочиваетъ свою власть въ Итали и Венгріи и свое преобладаніе во Франкфуртѣ; Пруссія употребляетъ ихъ, въ свою очередь, для противоборствованія Австріи и т. д. Что же касается до успѣховъ духа братства между этими правительствами и народами, то никто не можетъ сказать, какой новый толчекъ получилъ онъ отъ электричества и пара. Правительства и народы точно также соперничаютъ и въ нашемъ вѣкѣ, какъ и во всѣ предшествовавшіе. Вѣчное наслѣдство Александра Великаго всегда открыто для всѣхъ, но обладаніе имъ всегда принадлежало и будетъ принадлежать только достойнѣйшему. Вотъ въ чемъ убѣждаемся въ нашемъ вѣкѣ. Остаются конгрессы друзей мира. Предметъ этихъ собраній съ внѣшней стороны,

разумѣется, достоинъ всякаго уваженія; но не обсудивъ еще самаго существеннаго пункта, о которомъ будемъ говорить ниже, придетъ ли свободная торговля къ водворенію вѣчнаго мира, какое серьезное заключеніе можно вывести въ пользу близкаго наступленія этого мира изъ конгрессовъ, собирающихся для него? Кандиду было шестнадцать лѣтъ, когда онъ отправился рыскать по свѣту для отысканія совершеннѣйшаго счастья; постарѣвъ и поумнѣвъ со временемъ, онъ сталъ смотрѣть на людей, какими создалъ ихъ Богъ.

Прискорбно видѣть, когда зрѣлый возрастъ передразниваетъ невинность и мечты молодости.

Вотъ чего достаточно было бы сказать о современныхъ успѣхахъ духа братства между народами и о близкомъ наступленіи золотого вѣка. Но какъ ни вздорны эти мечты и какъ ни ничтожна та опора, которой, по недостатку положительныхъ доказательствъ, ищетъ въ нихъ система свободной торговли, мы все-таки должны довершить начатый нами анализъ.

Борьба съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, составляетъ законъ человѣчества; *tradidit mundum disputationibus eorum*. Въ человѣческихъ познаніяхъ и дѣяніяхъ неисчислимы поприщи для состязаній, и въ каждомъ изъ нихъ прогрессъ есть награда борьбы. Вотъ чему научаетъ нашъ вѣкъ, равно какъ и всѣ предыдущіе. Система свободной торговли, когда предполагаетъ измѣнить постоянный ходъ дѣлъ, и духъ соперничества замѣнить въ торговыхъ сношеніяхъ народовъ духомъ братства, ясно подрываетъ вѣковыя основы самаго просвѣщенія. Но пусть такъ: забудемъ всю исторію, останемся глухи и слѣпы ко всѣмъ тревоженіямъ нашего вѣка.—Вникнемъ, такъ сказать, въ самое безуміе системы свободной торговли, чтобы лучше убѣдиться въ ея заблужденіи. Она хочетъ уничтоженіемъ таможенъ водворить на землѣ вѣчный миръ и побратать всѣ народы: возможно ли, взявъ во вниманіе природу человѣка, достигнуть этой цѣли и можно ли достигнуть до нея, предположивъ, что она осуществима средствами, предлагаемыми поборниками свободной торговли? Наконецъ должно ли желать достиженія ея для

выгодъ просвѣщенія? Объяснимъ все это въ нѣсколькихъ словахъ.

Очевидно во-первыхъ, что свободная торговля не могла бы процвѣтать среди рода человѣческаго, какимъ онъ былъ въ предшествовавшіе вѣка и какимъ видимъ его теперь. Для осуществленія своего она дѣйствительно нуждается въ предварительномъ установленіи вѣчнаго мира и братства на всей землѣ. Но народы современные, какъ и всѣ историческіе народы, вовсе неодушевлены чувствами мира и братства. Они братья, если хотите, въ томъ смыслѣ, что всѣ принадлежатъ одному роду, но только въ одномъ этомъ смыслѣ; во всякомъ же другомъ они братья враждующіе. Одинъ знаменитый революціонеръ нашего времени, доказывая краснорѣчиво пустоту ученія о коммунизмѣ, съ которымъ свободная торговля имѣетъ самую тѣсную связь, выразился такъ: «мы всѣ братья, но съ условіемъ, что вы будете младшимъ братомъ, а я старшимъ.» Это голосъ природы, и народы болѣе еще, чѣмъ частные люди, не признаютъ между собою никакихъ чувствъ братства. Отсюда слѣдуетъ, что для учрежденія свободной торговли, а съ нею и вѣчнаго мира на землѣ, должно начать истребленіемъ человечества и замѣнить его новою породою существъ. Это конечно не трудно сдѣлать, и мы вполне убѣждены, что рыцари свободной торговли имѣютъ довольно воображенія и увѣренности, чтобы не остановиться предъ столь слабымъ препятствіемъ. Скорѣе же къ дѣлу. Великій Прометей! мѣси глину и дѣлай намъ новую породу людей, которая дышала бы только взаимнымъ состраданіемъ, согласіемъ и любовью. Пусть ни одна капля лжи или лицемерія, разбоя или легкомыслія, подлости, зависти, или скупости, разврата, фанатизма, глупости и т. д., наполнявшихъ души прежней породы людей, не запятнаетъ дѣвственной чистоты новой породы. Чтобы знаменитая система могла осуществиться, пусть населяется нашъ бѣдный міръ ангелами святыми!

Не правда ли, что все это скорѣе прискорбно, чѣмъ смѣшно! Вотъ новые философы, важно толкующіе объ уничтоженіи стра-

стей человѣческихъ ; потому что система ихъ имѣетъ тотъ единственный недостатокъ, что не можетъ ужиться съ этими страстями. Но достойны ли эти мечтанія, зачатые въ такомъ странномъ презрѣннн исторіи и природы, носить имя того глубокаго толкованія законовъ природы и событій исторіи, которое именуютъ философіей? Не правильнѣе ли назвать все это безтолковою баснею или несбыточнымъ сномъ? Подобныя дѣтскія погремушки дерзають украшать именемъ открытій научныхъ!

И такъ невозможно осуществить свободной торговли, не учредивъ вѣчнаго мира, а вѣчный миръ невозможенъ, безъ перерожденія всего рода человѣческаго; стало быть, свободная торговля предположила себѣ цѣль рѣшительно недостижимую.

Но, говорятъ либрѣ-эщанжисты, если уничтожить таможни, единственныя помѣхи вѣчному миру, то онъ самъ собою установился бы. Средство конечно вѣрное и столь же удивительное, какъ и самая цѣль. Одно стоитъ другаго. Откуда берутъ вопервыхъ, что таможни суть главная причина международныхъ войнъ? Никогда, напротивъ, не было столько упорныхъ и жестокихъ войнъ, какъ до распространенія покровительственной системы. И это весьма понятно; ибо до всеобщаго принятія этой системы міръ былъ неизбѣжно преданъ сперва монополіи торговой, а потомъ и деспотизму политическому одного какого-либо народа. Ужасное угнетеніе удручало всѣ другіе народы, и это-то было источникомъ тѣхъ продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ, которыя наполняли исторію съ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшаго просвѣщенія. Съ того же времени, какъ появилась система покровительственная, были ли таможни какимъ-нибудь поводомъ нарушенія мира между народами? Замѣчательно, напротивъ, что изъ великихъ войнъ, волновавшихъ міръ въ послѣднія времена, (каковы наримѣръ: тридцатилѣтняя война, голландская война, борьба за престолонаслѣдіе въ XVII вѣкѣ, семилѣтняя война, американская и войны революціи въ XVIII вѣкѣ и имперіи въ XIX вѣкѣ) ни одна не возгорѣлась изъ-за таможенъ. Честолюбіе народовъ или ихъ

властителей, борьбы династий или началъ—вотъ великіе источники войны со времени учрежденія системы покровительственной. Уничтожьте ее и посмотрите, наступитъ ли вѣчный миръ и золотой вѣкъ? Странное заблужденіе! Это значило бы, что съ уничтоженіемъ таможенъ не будетъ въ этомъ мірѣ ни королей беспокойныхъ, ни народовъ честолюбивыхъ, ни страстей національныхъ и политическихъ. Но не отчаяваясь окончательно, переправимся бодро чрезъ это море противорѣчій и парадоксовъ. Пусть будетъ такъ: нѣтъ болѣе таможенъ въ мірѣ; свободная торговля отъ одного полюса до другаго водворяетъ свое благотворное владычество. Какая выгода произойдетъ изъ того для просвѣщенія? Оно будетъ задушено.

Дѣйствительно, очевидно, что первымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ свободной торговли будетъ то, что всѣ націи придутъ къ исключительнымъ средствамъ своей почвы и климата, къ такъ называемымъ промышленностямъ естественнымъ. Но по неравенству народовъ въ обладаніи жизненными продуктами и первыми матеріалами, богатѣйшая изъ нихъ при такой системѣ скоро завладѣла бы монополіей на рынкахъ всѣхъ другихъ народовъ. Торговая національность послѣдней безъ сомнѣнія расширилась бы; но къ чьей выгодѣ? къ выгодѣ политическаго преобладанія народа, владѣющаго монополіей. Впрочемъ уже доказано, что потеря національности торговой есть для народа начало его политической зависимости. Между множествомъ примѣровъ взгляните на Францію. Какимъ образомъ успѣла она поглотить столько народовъ и даже различныхъ племенъ, которыя были разбросаны по ея владѣніямъ послѣ распадѣнія Римской имперіи? Она поглотила ихъ, уничтоживъ внутреннія таможи, отдѣлявшія эти народы; вотъ былъ великій дѣятель образованія нашего національнаго единства. Тѣмъ же способомъ Метуэнъ въ 1703 году сдѣлалъ изъ Португаліи Англійскую провинцію; тотъ же способъ употребляетъ Австрія въ Венгріи и т. д. Предположимъ осуществленіе системы свободной торговли, и вотъ — что случится: всемірное преобладаніе значительнѣйшей торговой націи начнется тотчасъ же, и

монархія, которая существовала у Римлянъ, объ которой мечтали Карлъ Великій, Григорій VII, Карлъ V и ихъ подражатели, кладетъ свою тяжелую руку на человѣчество. Великій шагъ къ просвѣщенію. Вся дѣятельность и всѣ способности погибаютъ, исключая способностей и дѣятельности одного народа; нѣтъ болѣе свободы, нѣтъ борьбы, нѣтъ совершенствованія; желѣзное иго угнетаетъ и разбиваетъ все. Вотъ что выиграетъ просвѣщеніе при системѣ свободной торговли.

Но при этомъ гибельномъ всеобщемъ разореніи, насталь ли бы сладостный миръ? Да, въ продолженіе извѣстной эпохи, въ продолженіе всего времени, пока всемірная монархія могла бы удержаться въ рукахъ одного народа. Тогда дѣйствительно можно было бы выбрать для исторіи человѣчества эпитафиею могильную надпись, какъ называетъ ее Лейбницъ: «вѣчный миръ». Ужасающій миръ, ужасное безмолвіе рабства и могилы! Это могло бы длиться цѣлые вѣка, какъ въ древности длилась власть Азіи и Рима. Потомъ это огромное зданіе обветшало бы и рушилось: народы потребовали бы, какъ при прекращеніи власти Цезарей, новаго раздѣленія міра; и опять нужны были бы цѣлые вѣка варварства, чтобы возобновить истощенную жизненную силу человѣчества и сдѣлать возможнымъ возрожденіе просвѣщенія.

Ясно ли, что если бы вслѣдствіе кары небесъ пресловутая система перешла изъ книгъ утопистовъ въ область дѣйствительности; то и съ просвѣщеніемъ послѣдовало бы тоже, что и съ благосостояніемъ и съ свободою народовъ; не очевидно ли, что оно убило бы просвѣщеніе?

Г Л А В А VII.

Объ идеаль торговли промышленности народовъ.

По изложеніи всѣхъ возможныхъ возраженій противъ таможенныхъ учрежденій и по опроверженіи всѣхъ доводовъ въ пользу системы свободной торговли, слѣдовало бы, по видимому, предоставить каждому произнести судъ по своему, если бы не было еще одного пункта, порожденнаго неистощимою придирчивостью либръ-эшанжистовъ.

Всюду преслѣдуемымъ и гонимымъ въ сферѣ всего дѣйствительнаго и возможнаго сторонникамъ этого ученія, кажется, оставалось бы только сдаться: но какой же систематикъ когда-либо слагалъ оружіе предъ здравымъ смысломъ? Въ этомъ отношеніи либръ-эшанжисты могли бы подать похвальный примѣръ, который, по своей исключительности, можетъ быть, соблазнилъ бы и увлекъ многихъ, напрасно гонящихся за новизною. Но, безъ сомнѣнія, они объ этомъ и не подумаютъ. Истоцивъ всѣ доводы и возраженія, употребивъ всѣ возможныя декламации и видя, что имъ измѣняетъ и природа и исторія, и настоящее и прошедшее и будущее, они бросаются наконецъ къ послѣднему прибѣжищу — къ идеалу.

Свободная торговля, говорятъ они, есть идеаль торговли промышленности народовъ. Препятствія къ осуществленію этого идеала, представляемая исторіею и даже природою, не имѣютъ никакого значенія въ глазахъ людей просвѣщенныхъ. Свободная торговля должна быть высшею цѣлью каждаго экономиста, каждаго государственнаго мужа. Человѣчеству назначено стремиться къ этому идеалу, все болѣе и болѣе сообразовать съ нимъ свои дѣйствія, приближаться къ нему, на сколько то позволяетъ безсиліе нашихъ страстей, каждый день понемногу покорять эти страсти и мало по малу достигать полнаго принесенія ихъ въ жертву на алтарь братства. Если уже хотятъ, чтобы таможенное учрежденіе непременно имѣло въ свое вре-

мя достоинства, чтобы оно имѣло нѣкоторыя причины существованія, чтобы міру необходимо было еще нѣкоторое время для приведенія себя въ то ангельское состояніе торговыхъ отношеній, чудеса котораго возвѣщаются; то покровительственная система въ этомъ случаѣ должна почитаться не больше, какъ школою свободной торговли, подобно какъ освобожденіе рабовъ въ древнемъ мірѣ было первымъ шагомъ къ свободѣ, какъ земная жизнь съ цѣпью испытаній есть предъуготовленіе къ безсмертію. Идеалисты вообще непоколебимы, когда дѣло идетъ о принципахъ; однако надо взять нѣсколько во вниманіе человѣческую слабость, его невѣжество и даже его пороки. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ неговорящихъ метафизиковъ, которые не хотятъ знать ни матеріи, ни времени. Какой же срокъ нуженъ міру, чтобы отъ одного полюса до другаго духъ зависти и соперничества замѣнился духомъ любви къ ближнему? Десять лѣтъ? дадимъ тридцать. Что за дѣло! идеаль терпѣливъ; за нимъ вѣдь вѣчность! Но однако, чтобы не было проволочекъ! а особенно возраженій! Нельзя допустить ихъ противъ ученія, ведущаго къ идеалу свободы, благосостоянія и просвѣщенія.

Безъ всякаго сомнѣнія, лишь бы ученіе это дѣйствительно привело къ идеалу; мы неупрямы, лишь бы новые пути, открываемые или назначаемые имъ, шли по направленію къ этому идеалу.

Но этого нѣтъ въ системѣ свободной торговли; въ ней все наоборотъ.

Говорятъ объ идеалѣ; но во-первыхъ знаютъ ли они вѣрно, что такое тотъ идеаль, который сдѣлался неисчерпаемымъ предметомъ столь искусныхъ и, увы! столь длинныхъ рѣчей? — Поистинѣ, есть причины усомниться въ томъ.

Человѣку во всемъ назначенъ предѣлъ, но въ то же время существуетъ всегда постоянный стимуль, вдохновляющій и направляющій его. Будучи существомъ чувственнымъ, онъ всегда стремится къ воспроизведенію прекраснаго; какъ существо разумное, онъ стремится, посредствомъ наукъ, къ от-

крытію и объясненію истины; какъ существо дѣйствующее, онъ всѣми путями устремляется къ свободѣ. Свобода—вотъ идеаль всѣхъ проявленій жизни человѣка, подобно какъ красота есть идеаль его любви, а истина идеаль его мышленія. Торговля есть одна изъ главныхъ отраслей дѣятельности человѣка; въ этомъ значеніи идеаль ея — возвыситься до совершеннѣйшаго состоянія акта человѣческой дѣятельности, т. е. стать свободною. Это также справедливо относительно торговли народовъ, какъ и относительно торговли частныхъ людей; стало быть, идеаль торговой жизни міра есть свобода.

Конечно, нѣтъ такого просвященнаго человѣка, который отвергалъ бы эти начала. И такъ, если свобода есть идеаль торговли народовъ; то какимъ образомъ либръ-эшанжисты дерзаютъ утверждать, что этотъ идеаль есть ихъ система свободной международной торговли.

Свободная международная торговля во-первыхъ не есть начало, а свобода есть начало. Система свободной международной торговли есть только извѣстное правило, извѣстный административный способъ, полицейская система. Когда говорятъ, что свободная международная торговля есть идеаль торговли міра, то употребляютъ съ большою неточностью одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ терминовъ языка философіи. Торговля можетъ стремиться, тѣмъ или другимъ устройствомъ, тою или другою системою, тѣмъ или другимъ средствомъ къ осуществленію своего идеала, т. е. свободы; но принимать это средство (какое бы оно ни было) за цѣль, которой желаютъ достигнуть—значитъ впадать въ странное заблужденіе: это все равно, если бы сказать, что доказательство и выводъ суть идеаль науки, или что рисунокъ или краски, гармонія или мелодія суть идеалы живописи и музыки. Разумѣется, сочинители употребляютъ не дурную тактику, украшая свои разглагольствованія лучшими философскими терминами; этимъ они много выигрываютъ у бессмысленной толпы, которая тѣмъ болѣе благоговѣетъ предъ такими терминами, чѣмъ они звучнѣе и чѣмъ менѣе она ихъ понимаетъ; но кажется, благоразумнѣе было бы не прибѣгать

къ нимъ въ публичныхъ преніяхъ, гдѣ всегда почти можно наткнуться на людей, которые любятъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что имъ говорятъ, и если чего-либо имъ не желаютъ объяснять, то они сами берутъ на себя этотъ трудъ.

И такъ система свободной международной торговли не есть начало, не есть идеалъ; она выражаетъ систему управленія администраціи. Разумѣется, тутъ нельзя принимать одно за другое. Но оставимъ это въ сторонѣ, не въ простыхъ обмолвкахъ спѣшимъ мы показать заблужденіе поборниковъ системы свободной торговли: наше правило — ловить ихъ въ ихъ собственныхъ словахъ, на явномъ противорѣчій. Можетъ быть, поборники системы свободной торговли, сказавъ, что ученье ихъ есть идеалъ торговой жизни народовъ, хотѣли сказать, что ихъ ученіе открываетъ самые вѣрные способы для достиженія этого идеала? Но въ такомъ случаѣ они, значить, еще разъ повторяютъ, только болѣе напыщеннымъ и темнымъ языкомъ, тотъ парадоксъ, который есть душа ихъ системы, т. е. уничтоженіе таможенъ будетъ мѣрою самою благопріятною для свободы торговли. Послѣ всего уже сказаннаго нами мы считаемъ себя въ правѣ не возвращаться къ опроверженію подобнаго заблужденія. Мы скажемъ только нѣсколько словъ о странности метода, который, вмѣсто возведенія торговли на степень идеала, къ которому она стремится, т. е. въ состояніе свободное, ввергъ бы ее неизбѣжно въ рабство.

Свобода есть начало, но свободное состояніе есть только фактъ. Посему хотя достаточно одного разума, чтобы понять и высказать, что всякое честное проявленіе человѣческой дѣятельности уже потому только, что оно честно, должно быть свободно; но условія, при которыхъ оно можетъ сдѣлаться таковымъ, даются только исторіей самага человѣчества и открываются только изученіемъ исторіи.

Свобода есть одна изъ тѣхъ постоянныхъ путеводныхъ звѣздъ, которая свѣтится въ глубинѣ нашего мышленія; эта одна изъ тѣхъ блистающихъ точекъ, которая какъ истина, какъ прекрасное, какъ правда, постоянно освѣщаютъ горизонтъ человѣче-

каго разума. Отвлеченное наблюдение такого начала удосто-
вѣряетъ насъ въ неподвижности и необходимости его бытія,
но не болѣе. Какъ заставить этотъ чистый лучъ сойти и про-
никнуть въ мракъ нашего міра? Какъ сдѣлать, чтобы этотъ
мракъ освѣтился имъ, а самъ не затемнилъ его? Какъ по-
хитить этотъ небесный огонь и одушевить имъ земное?

Торговля есть одинъ изъ полезнѣйшихъ родовъ дѣятельности
человѣческой; по разуму, она должна быть свободною; но какъ
сдѣлаться ей свободною? разумъ не въ состояніи дать на это
отвѣта, это есть дѣло опыта.

Чему же научаетъ насъ опытъ?

Онъ научаетъ насъ во-первыхъ, что ни въ одной изъ отря-
слей человѣческой дѣятельности свобода не учреждалась и не
поддерживалась, не бывъ охранена извѣтными гарантіями про-
тивъ непредвидимыхъ случайностей, противу людскихъ страстей
и пороковъ; опытъ показываетъ намъ самыми губительными и
назидательными примѣрами, что всякая свобода, неограничен-
ная въ своихъ проявленіяхъ, приходитъ къ анархіи, и послѣ
минутной борьбы съ нею дѣлается добычею диктатуры. Когда
поборники системы свободной торговли предлагаютъ вести
торговлю народовъ къ свободѣ уничтоженіемъ таможенъ, этой
гарантіи самой свободы, къ чему же ведутъ они міръ? Къ без-
порядку и къ рабству, этой совершеннѣйшей формѣ беспоряд-
ка. Странная ошибка въ выборѣ пути!

Во-вторыхъ, если свобода и можетъ быть разсматриваема
разумомъ, какъ начало самостоятельное; то возможно ли съ
другой стороны осуществить его на дѣлѣ съ тою логическою
строгостью, какъ оно является въ мышленіи? Это было бы
возможно, если бы міръ дѣйствительный былъ, какъ логическій
разумъ, чистымъ эфиромъ, гдѣ бы идеи не подвергались ни
сопротивленіямъ, ни затменіямъ; но въ міръ дѣйствительномъ
нѣтъ ничего чистаго; эта есть сфера, предоставленная вѣчной
бурѣ интересовъ и страстей. Чтобы свобода ужилась среди
такого міра, надо изобресть особое установленіе, которое за-
щищало бы ее: ежеминутно нужно предохранять ее отъ ты-

сячи нечистыхъ прикосновеній, изъ которыхъ одного достаточно, чтобы запятнать ее; отъ тысячи ударовъ, изъ которыхъ одного достаточно, чтобы сокрушить ее. Что же дѣлаютъ поборники системы свободной торговли? Они допускаютъ непостижимую гипотезу, что въ мірѣ нѣтъ или не будетъ болѣе страстей, и что разнообразные интересы не только не раздѣляютъ его на отдѣльныя страны, но совокупаютъ послѣднія въ одно цѣлое; своимъ романтическимъ воображеніемъ они превращаютъ землю въ какой-то земной рай, гдѣ вѣчно царствуютъ правда и любовь къ ближнему, и чтобы достигнуть скорѣе осуществленія свободы въ мірѣ, они воображаютъ, что мірѣ лишился всей своей дѣйствительности!

Эти замѣчанія могли бы завести насъ слишкомъ далеко. Достаточно только указать на нихъ, чтобы для всякаго просвѣщеннаго ума стало понятно все остальное. «Дѣло не въ томъ, чтобы заставить читать», говоритъ Монтескьё, «а въ томъ, чтобы принудить думать». — Ограничиваясь самою сущностью нашего предмета, замѣтимъ только, что когда поборники системы свободной торговли предполагаютъ, что ученіе ихъ есть идеалъ торговой жизни человѣчества, то впадаютъ не только въ смѣшеніе словъ, но и въ противорѣчіе идей. — Система свободной торговли не только не есть идеалъ торговли народовъ, но подобное выраженіе не имѣетъ даже и смысла: система свободной торговли не только не ведетъ торговлю къ осуществленію своего идеала, т. е. свободы, а напротивъ отнимаетъ у нея всѣ средства достигнуть до него.

Остается разсмотрѣть парадоксъ, выдающій протекціонизмъ за школу свободной торговли, или другими словами систему таможенную за предъуготовленіе къ системѣ уничтоженія таможенъ. Парадоксъ этотъ весьма страненъ, но онъ пользуется не малой славой и распространился болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

Поборники свободной торговли разсуждаютъ такъ: Если протекціонизмъ имѣетъ цѣлью уравнивать торговыя силы народовъ,

естественно или случайно неравныя; то должно положить, что когда-либо онъ достигнетъ своей цѣли, — если послѣдняя возможна, т. е. что въ извѣстную эпоху, когда установится наконецъ совершенное равенство между всѣми народами, таможни, охраняющія ихъ взаимныя промышленности, сдѣлаются бесполезными. Отнынѣ можно уже предвидѣть эту эпоху. Покровительственная система, еще неустарѣвшая совершенно, приближается уже къ этой эпохѣ. И такъ свободная торговля есть высшая цѣль, къ которой должна стремиться политика всѣхъ государствъ, точно также какъ она же есть идеальная и конечная цѣль торговли всего міра.

Явный софизмъ; однако нѣкоторые, по добротѣ своей, позволили себя поймать на немъ: гибельная доброта, которою поборники свободной торговли не преминули воспользоваться и которая ни въ чемъ однако не содѣйствовала истинѣ. — Не возможно согласить исторію съ романомъ, ни фантазіи извѣстной школы съ естественнымъ порядкомъ вещей.

Вышеупомянутое разсужденіе поборниковъ системы свободной торговли въ пользу ихъ ученія ложно, какъ и всѣ другія.

Неравенство націй, какъ и частныхъ людей, вѣчно; источники его находятся въ самой природѣ. Неравные сначала посредствомъ своего климата и своихъ способностей, народы оставались таковыми въ теченіе всей ихъ исторической жизни. — Скипетръ преобладанія всегда переходилъ и будетъ переходить изъ рукъ въ руки, и никогда не будетъ недостатка въ честолюбцахъ, спорящихъ о немъ.

Но таможни, говорятъ, сравниваютъ же наконецъ силы народовъ, иначе онѣ не имѣютъ никакой цѣли. — Таможни имѣютъ свою цѣль, которую онѣ и выполняютъ. Эта цѣль состоитъ въ постоянномъ предъупрежденіи возстановленія монополіи.

Что же касается до будущаго уравненія торговыхъ силъ народовъ, то это совершенная химера.

Взгляните на міръ, такъ какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и что болѣе всего бросится въ глаза, если не это неравенство. Никто безъ сомнѣнія не скажетъ, что Испанія, на примѣръ, въ торговомъ отношеніи равна Англии, Австріи—Франціи, Россіи—Америкѣ.— Что нужно для уравненія этихъ націй? Необходимо, чтобы просвѣщенныя націи подождали отставшихъ, или чтобы отставшіе сравнялись съ первыми, или наконецъ, чтобы былъ одинъ общій зенитъ торговаго могущества, на высотѣ котораго назначено было бы всѣмъ одинаково останавливаться въ своемъ развитіи.

Мечтательныя гипотезы! Движеніе есть жизнь міра, и оно никогда не прекращается. Народы болѣе просвѣщенные не станутъ ждать отставшихъ; они или будутъ возвышаться или идти назадъ. — Отставшіе никогда не сравняются съ ними, если послѣдніе будутъ продолжать развиваться, и опередятъ ихъ, если они станутъ идти назадъ. Что же касается до окончательной апогеи, на которой всѣ народы должны останавливаться, то это чистыя бредни школы. — Не всѣ силы достигаютъ до апогеи, и ни одна не удерживается на ней; высшее величіе есть уже начало паденія. Въ счастіи, какъ на морѣ, когда нѣтъ прилива, то стало быть начинается отливъ.

Прибавьте къ этому препятствія, постоянно воздвигаемыя учрежденію повсемѣтнаго равенства гениемъ новыхъ открытій. Ось, около которой вращается торговый міръ, уже неоднократно измѣнялась въ исторіи; чѣмъ болѣе идемъ впередъ, — тѣмъ большимъ подвергаемъ ее перемѣнамъ. Пусть явится открытіе новаго двигателя, или новаго питательнаго растенія, или какого—нибудь неизвѣстнаго прядильнаго волокна, и страна, бывшая доселѣ бѣднѣйшею, можетъ сдѣлаться самою богатою. Система покровительственная съ ея разумнымъ чутьемъ послѣдуетъ за этими измѣненіями вещей и людей; подвижная защита независимости каждаго народа, она будетъ постоянно охранять свободу торговаго міра. Что сдѣлала бы на ея мѣстѣ безумная система свободной торговли? И здѣсь,

какъ и вездѣ , она предоставила бы свободу всѣмъ случайно-
стямъ неожиданныхъ переменъ.

Этимъ оканчиваемъ разсмотрѣніе правъ новаго ученія на
идеаль.—И эта сфера, какъ видно, также закрыта для него,
какъ и область міра дѣйствительнаго.—Только одна сфера по
прежнему остается для него—это сфера химеръ.

ГЛАВА VIII.

Заключение первой части.

Подобно путешественнику, который, достигши какого-либо возвышеннаго мѣста, оборачивается назадъ, чтобы однимъ взоромъ объять все пройденное пространство, остановимся и мы и постараемся въ краткомъ очеркѣ представить результаты всего изложеннаго въ предшествовавшихъ главахъ.

Задача состояла въ оцѣнкѣ системы, пользующейся громкой славою и выдаваемой ея сочинителями и поборниками за идеаль свободы торговли народовъ.—Для осуществленія этой системы требуется предварительное уничтоженіе таможеннаго учрежденія, освященнаго цѣлыми вѣками. Чтобы по достоинству оцѣнить столь смѣлый проэктъ, надо было прежде всего изслѣдовать самыя основы его.—По сему мы разобрали сначала, въ чемъ состоитъ свобода торговли; потомъ мы постепенно сравнивали сущность системы покровительственной съ системою свободной международной торговли. Такое сравнительное изслѣдованіе приводило насъ къ рѣшительнымъ заключеніямъ, которыя паралельно, такъ сказать, сами собою являлись предъ нами. Здравый смыслъ совокупно съ исторіей и логикой показалъ намъ, что таможни суть, по преимуществу, учрежденія, охраняющія свободу торговли, и что система либръ-эшакжистовъ, напротивъ, была бы гибельна для нея.

Общія начала свободы торговли можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ: это есть всеобщее право производить, покупать и продавать всякіе продукты естественные или искусственные, имѣющіе мѣновой характеръ. Это право вытекаетъ изъ самой лучшей свободы, изъ свободы труда. Но подобно всѣмъ другимъ правамъ, и это право нуждается въ твердой гарантіи. Грубая сила, ничѣмъ не обузданная, всегда и вездѣ составляла бичъ всякихъ правъ. Будучи неравно повсюду

распредѣлена, эта сила должна быть управляема; иначе она будетъ стѣснять и угнетать. Торговля, какъ и другія отрасли, есть сфера, въ коей происходитъ постоянная борьба неравныхъ силъ. Всѣ народы суть противники, но противники неравные. — Причины этого неравенства вѣчно однѣ и тѣже: онѣ лежатъ въ самой природѣ и въ самомъ характерѣ чело-вѣка. Чтобы сдѣлать возможнымъ существованіе этого права между такими неравными соперниками, чтобы гарантировать свободу, законодатель, по необходимости, долженъ прибѣгнуть къ извѣстной системѣ торговаго управленія, которая уравни-вѣшивала бы силы. Такова философія свободы торговли; она есть только разумное толкованіе самыхъ законовъ этой сво-боды, открываемыхъ наблюденіемъ надъ природою и исто-ріей.

Мы обратились потомъ къ разсмотрѣнію таможеннаго учреж-денія, уничтоженія котораго требуетъ система свободной тор-говли, и съ перваго же шага усмотрѣли, что изъ всѣхъ учреж-деній оно есть не только самое удобное, но и самое необхо-димое для свободы торговли. Въ самомъ дѣлѣ, оно кажется вѣрнымъ отпечаткомъ самой философіи принциповъ этой сво-боды: оно уравниваетъ торговыя силы народовъ, естественно неравныя, и сравнивая ихъ, оно дѣлаетъ борьбу возможною; а съ этимъ вмѣстѣ даетъ имъ и самую самостоятельность, слу-жащую источникомъ всякой свободы. Показавъ предварительно всю неосновательность критики таможеннаго учрежденія, мы вывели наконецъ заключеніе, что оно по преимуществу слу-житъ свободѣ.

Потомъ мы перешли къ системѣ либрѣ-эшанжистовъ. Мы прослѣдили ее во всѣхъ фазахъ. Она обѣщаетъ свободу тор-говли, невѣдомое доселѣ благосостояніе матеріальное и новую эру просвѣщенія. Мы видѣли, что напротивъ она привела бы къ монополіи, дороговизнѣ, нищетѣ и варварству. Не будучи въ состояніи основаться на фактахъ, эта система желаетъ опе-реться по крайней мѣрѣ на возможность своего осуществленія; но мы ясно доказали, что начала ея противорѣчатъ цѣли; изъ

сферы возможнаго она перенеслась въ область идеаловъ, мы послѣдовали за нею, и нашли, что и здѣсь она не можетъ имѣть мѣста. Въ покровительственной системѣ мы признали всѣ характеристическія черты учрежденія свободнаго, въ системѣ либръ-эшанжистовъ мы постепенно открывали всѣ признаки ученія революціоннаго.

Вотъ въ краткихъ словахъ все содержаніе предшествовавшаго изложенія; вотъ сущность добытыхъ результатовъ.

Мы отвергли систему либръ-эшанжистовъ; приговоръ надъ нею произнесенъ самымъ неподкупнымъ судьей, самою свободою. Свобода отрицаетъ систему либръ-эшанжистовъ не только какъ не имѣющую здраваго смысла, но, что еще хуже, какъ орудіе монополіи, дороговизны, нищеты, нравственнаго угнетенія и грубаго деспотизма. Такой приговоръ самой свободы вполне согласуется съ приговоромъ разума и исторіи.

Оканчивая наконецъ первую часть сего сочиненія, не излишне обратиться къ нравственному заключенію.

Сродство ученій консервативныхъ съ началами истинной свободы, и наоборотъ совершенная имъ противоположность ученій революціонныхъ—вотъ величайшій и поучительнѣйшій изъ уроковъ нашего времени. Система либръ-эшанжистовъ даетъ такой урокъ торговлѣ, подобно какъ якобинство относительно формы правленія и вольнодумство философское относительно—религіи. Порожденіе того же духа безначалія и соперница всѣхъ новѣйшихъ системъ религіознаго и политическаго обновленія, слава о которыхъ оглушала всѣхъ и такъ дорого многимъ стоила, система либръ-эшанжистовъ точно также, какъ и онѣ, есть бичъ свободы.

Истина всегда одна и таже. Правила, ложныя въ одной отрасли человѣческихъ познаній и дѣятельности, ложны и въ другихъ. Радикализмъ подрываетъ свободу политическую; какъ же принять его въ основаніе свободы въ торговлѣ? Какъ въ религіи и формѣ правленія, такъ и въ торговлѣ, только одно средство быть либеральнымъ,—это назначить для свободы из-

вѣстныя границы; предполагать же, что для свободы не нужно ни правилъ, ни границъ—значитъ быть революціонеромъ.

Ученіе либръ-эшанжистовъ преслѣдуетъ въ торговлѣ осуществленіе тѣхъ же утопій, которыя причинили уже столько бѣдствій въ области религіи и въ сферѣ политической: утопію возрожденія баснословнаго золотаго вѣка, утопію коммунизма посредствомъ уничтоженія всякой индивидуальности и всякаго первенства національнаго, наконецъ утопію вѣчнаго мира, водворяемаго совершеннымъ истребленіемъ личныхъ страстей. Поборники этого ученія употребляютъ въ спорахъ съ своими противниками тотъ же языкъ, которой употребляли якобинцы и скептики въ преніяхъ съ либералами и раціоналистами. По ихъ словамъ, противники принадлежатъ къ партіи умѣренныхъ и къ запоздалымъ защитникамъ стараго порядка. Что же касается до различныхъ промышленностей, охраняемыхъ таможенями, то они смотрятъ на нихъ, какъ истинные соціалисты смотрятъ на собственность: по ихъ мнѣнію, это монополии. Наконецъ вотъ еще поразительная черта этого печальнаго сходства. Обольщенія системы либръ-эшанжистовъ сходны со всѣми обольщеніями тѣхъ ученій, которымъ она подражаетъ и духъ которыхъ она вноситъ въ сферу торговли: она тоже обѣщаетъ свободу, благоденствіе и просвѣщеніе, а на дѣлѣ даетъ рабство, приводитъ къ нищетѣ и вмѣстѣ съ уничтоженіемъ соперничества сокрушаетъ всякое побужденіе къ совершенствованію.

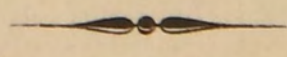
Система покровительственная, напротивъ того, есть вѣрный отпечатокъ ученій консервативныхъ и истинно либеральныхъ; это система равновѣсія, въ которой свобода цѣлаго опирается на независимость частей. Независимость торговли подобно, какъ свобода гражданская и политическая, обезпечена въ ней раздѣленіемъ и уравновѣшиваніемъ силъ. Она есть таже теорія политической партіи умѣренныхъ, только приложенная къ торговымъ сношеніямъ народовъ.

И такъ споръ протекціонизма и системы либръ-эшанжистовъ есть ничто иное, какъ глава изъ исторіи той роковой борьбы, которую свобода давно уже ведетъ съ вольностью: защитники

покровительственной системы и либръ-эшанжисты, подъ другими именами, суть тѣже умѣренные либералы и радикалы. Защитники покровительственной системы, какъ всѣ умѣренные либералы, требуютъ границъ для свободы, чтобы сохранить ее; наоборотъ, либръ-эшанжисты, какъ всѣ радикалы, требуютъ совершеннаго уничтоженія всѣхъ возможныхъ гарантій. Сходство весьма поучительное! Путь защитниковъ покровительственной системы есть путь умѣренныхъ либераловъ-консерваторовъ, путь либръ-эшанжистовъ есть путь революціонеровъ. Вотъ что достовѣрно и несомнѣнно; пусть теперь каждый избираетъ ту сторону, которая, по мнѣнію его, болѣе обезпечиваетъ свободу.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введеніе	III
ГЛАВА I. Общій характеръ системы свободной торговли	1
ГЛАВА II. Назначеніе таможенъ	11
ГЛАВА III. Нападки на таможенное учрежденіе и ихъ неосновательность	23
ГЛАВА IV. Что станется съ свободой при осуществленіи системы свободной торговли?	43
ГЛАВА V. О вліяніи системы свободной торговли на благосостояніе міра	55
ГЛАВА VI. Благопріятствуетъ-ли система свободной торговли просвѣщенію?	65
ГЛАВА VII. Объ идеалѣ торговой промышленности народовъ	77
ГЛАВА VIII. Заключение первой части	86

О. А. В. И. Е. Р.

Сод.
III
I Глава I. Общие черты системы свободной торговли 1
II Глава II. Изменение таможен 11
III Глава III. Изменение в таможенном законодательстве и их экономическое значение 23
IV Глава IV. Что является ее свободой при действительном ее состоянии 43
V Глава V. О влиянии системы свободной торговли на состояние мира 59
VI Глава VI. Взаимовыгодность системы свободной торговли 63
VII Глава VII. Что является торговой промышленностью и ее значение 73
VIII Глава VIII. Заключение первой части 86

О П Е Ч А Т К И.

	<i>Напечатано:</i>		<i>Должно читать:</i>
Стр. строка.			
IV 12	сверху работъ,		работъ, —
VI 3	снизу старыми		старыми
IX 16	сверху свободы,		свободы;
— 17	— свободы;		свободы,
3 6	снизу всѣхъ,		всѣхъ, —
4 2	— не извѣстно		Неизвѣстно
5 3	сверху слѣдуя одной		слѣдуя по одной
9 6	— времени		времени
14 6	— по томъ		потомъ
— 4	снизу большее		большее,
17 18	сверху нія		ніе
19 14	снизу держать		держать
— 4	— не		ни
20 13	— portiores		portiores
21 17	— говорить		говорить
22 3	— по сему		по сему
24 7	сверху презрѣніемъ		презрѣніемъ
36 9	снизу благосостояніе		благосостоянія
38 10	сверху однимъ словомъ		однимъ словомъ
42 8	— бы рѣшились		бы мы не рѣшились
44 7	сверху ности источника торго-		ности — источника торго-
	влив, во вторыхъ со		влив, во вторыхъ со сто-
	стороны потребленія		роны потребленія —
46 18	— что		Что
— 15	снизу человѣкъ.		человѣкъ.“
— 8	— суровости		суровость
51 3	сверху залогомъ		Залогомъ
52 7	— тоту		тому
53 2	— торговли		торговой
78 9	снизу идеаль		идеаль
86 12	сверху По сему		По сему

